

The background of the cover is a detailed illustration of a warrior with long, vibrant red hair. The warrior's face is shown in profile, looking down with a somber expression. They are wearing a dark, textured tunic and a chainmail collar. A sword with a highly decorative, circular pommel is held in their right hand, which is clad in a gauntlet. The lighting is dramatic, highlighting the warrior's features and the texture of their hair and clothing.

**Ростислав
Левгеров**

**Зови меня
Лео**

— Том III —

18+

Ростислав Левгеров
Зови меня Лео. Том III

«Автор»

2026

Левгеров Р.

Зови меня Лео. Том III / Р. Левгеров — «Автор», 2026

В очередной раз тебе приходится делать то, чем вообще-то должны заниматься местные царьки – спасти этот гребаный мирок от той напасти, которая на него обрушилась. Спасать, вместо благодарности получая упреки. Ведь ты – чертова бестия, ты – ведьма! Но это лишь малая часть твоих неприятностей, милая моя. Силы гораздо более могущественные уже обратили на тебя взор. Ведь ты легенда, Лео. Почему ты до сих пор жива?

© Левгеров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место вечного сна	5
Глава 2. Братья, сестры и один взбалмошный ребенок	11
Глава 3. Женские разговоры – опасная штука	18
Глава 4. Мужские разборки – дело пустое	25
Глава 5. Эмоции, оскорбления, обиды	32
Глава 6. Страшно не будет	37
Глава 7. Никто не останется без дела	45
Глава 8. Старые добрые методы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ростислав Левгер

Зови меня Лео. Том III

Глава 1. Место вечного сна

Он заметил становище горцев еще издалека. Вот только уже ночь, придется подождать до утра. Вооруженный бледнолицый оставил после себя тихое гулкое эхо, растворившееся в тревожной ночи. Слава создателю, никого не потревожил. Кажется, все спят. После тяжелых дневных переходов по горам местные племена иногда так беспечны.

Полагаются на обереги, наивные. Причем в такое-то время!

Отлично, он расположится здесь, в тени одинокого дуба. Переночует. Прислонив меч ко стволу, человек снял с пояса флягу, сделал глоток, уселся в позе лотоса под деревом, прямо так, как был — в потертом дублете и столь же поношенных сапогах — нелюдимый странник, рыскавший в поисках чего-то под покровом темноты. Такой вряд ли вызовет доверие, но ему, если честно, было плевать.

Хрустнула ветка — человек замер, прислушиваясь. Кто-то шел в его сторону.

Прежде всего надо восстановить защитную ауру. Чтобы тебя не заметили *они*. Ибо он странник, вечно тени, вечно ищет. Только вот чего? Этого никому не дано знать. Даже ему самому. Когда найдет, поймет. Звучит пафосно и глупо одновременно, но так и есть на самом деле.

И сейчас у него есть цель. Найти и убить. На обреченного человек навёлся традиционным способом — положившись на интуицию. Вот так просто: вышел в чистое поле, отрешился от всего и отпустил разум в свободное плавание. Искать маячки, как он это называл.

Странник не знаком с обреченным, как и с тем, в чем состоит его вина. Не знает, обитает ли здесь, в этой стылой малонаселенной глухомани, жертва. Просто так надо. Вот и всё.

Человек поежил — холодно однако! И жрать охота. В мешке остались только хлебные крошки, да парочка полос сушеного мяса, настолько твердого, что о них впору зубы обломать, а вкуса никакого. Кроме соли.

«Обойдусь», — подумал странник и закрыл глаза.

Поддаться слабости. На минутку. Иногда накатывает так, что хочется... проснуться. Словно он застрял в дурном беспробудном сне. Зачем он здесь? Убить кого-то, чье эхо уловил во время долгих и бессмысленных шатаний по разоренным землям — он уже и не помнит.

«Скажи это вслух, — язвительно подначивает рациональная часть интеллекта. — И ты поймешь, насколько абсурдно это звучит».

«Плевать, — отринул сомнения странник. — Абсурдна вся моя жизнь. Я не знаю кто я и откуда. Никто не знает кто я и откуда. Поэтому, в поисках ответов, мне приходится слепо шарить во мраке. Да и вообще, не только моя жизнь, весь мир абсурден. Особенно хорошо это заметно здесь, в Пагорге».

Искать свой путь ощупью. Наитие — вот его молитва.

Странник еще раз вздохнул. Трудно быть никем. Раз за разом тропа приводила его к врагам. К отщепенцам, уродам. Найти бы родственную душу...

А ведь когда-то человек понимал, зачем он здесь. Но время начисто стерло из памяти прошлое, оставив только необходимые для выживания навыки. Хотя, не так много времени прошло. Всего-то около десятка лет. За годы он избородил все закоулки этого мира вдоль и поперек, пока в нем не проснулось нечто... необъяснимое.

И проснулось необъяснимое здесь, в Сумрачных горах. Что-то такое в душе зашевелилось, затеплилось. Значит, он на правильном пути. В кои-то веки. Когда он это осознал, на

радостях напился до чертиков в компании какого-то сброда. Они затем собирались обчистить случайного знакомого – сам слышал, хоть и не подал виду. Захотели, несчастные, спереть меч.

Но меч – часть его самого. Пришлось бывших собутыльников убить. Никто не осудил, даже не взглянул на дерущихся в темном проулке. Случайные путники поспешили скрыться. Время такое.

Так, ладно, надо сосредоточиться. Прочь мысли, прочь хандру. В горах нет места сантиментам. Исключить всё постороннее, сделаться непроницаемым.

И он в очередной раз погрузился в некое забытие, между сном и явью. Когда всё видишь, ощущаешь, осязаешь, но в то же время отдыхаешь телесно и духовно. Главное – поддерживать защитную ауру, чтобы тебя не заметили *они*.

Когда он спал по-настоящему, всю ночь, а не как обычно – урывками?

Странник отрыл глаза, едва начало светать. Кажется, под утро он действительно заснул. Ну хоть чуток и то хорошо. Только холод мешал.

Напротив него стояла девочка. Из горцев. Кажется, они называли себя баахами, или как-то так. В раскосых глазах читался интерес. В руках девочка держала грубо вырезанную из растрескавшейся колоды куклу.

– Приветствую! – тихо сказал он на одном из распространенных здесь наречий, надеясь, что она его поймет. – Позови старейшину. Скажи ему – гость просит разделить с ним трапезу. Ну, иди, иди, не бойся!

Некоторое время девочка молчала, разглядывая его, затем перевела взгляд на меч.

– А, ты об этом! – Странник усмехнулся, взял меч, достал из сумки кусок ткани, обернул оружие и положил перед собой. – Так хорошо? Это значит, что я пришел с миром, понимаешь?

Девочка моргнула и убежала. Спустя пять минут явился, прихрамывая, старик. У него дергался левый глаз.

– Ты кто? – спросил он, прищурившись, и демонстративно обхватив мозолистой ладонью рукоять топора.

– Друг, – спокойно ответил человек, проигнорировав угрожающий жест.

– Друзей в этих краях нет. Только хабырга.

– Тогда я первый, – сказал странник, подумав, что где-то уже слышал это словечко – хабырга. Кажется, местные так называют скальных людей. Очередную разновидность, возникшую после вспышки «новой песты». Хотелось бы познакомиться с ними, столько слухов о них. – К тому же, вряд ли меня можно назвать хабыргой. Полагаю, я на них не похож, ты не находишь, почтенный?

– Не заговаривай мне зубы, чужеземец.

Странник коротко рассмеялся и посмотрел старику в глаза:

– Прости, но твой последний зуб выпал еще с полдюжины лун назад, так что и заговаривать нечего. Скажу прямо: у меня есть товары на обмен. Пару ножей из очень хорошей стали в обмен на припасы, шкуры, может, новые сапоги, если найдутся, конечно. Меня ждет долгая дорога, а запасы мои, как ты видишь, истощились. Поговорим, расскажем друг другу новости. Затем вы пойдете своей дорогой, я – своей. Что скажешь?

Старик задумался.

– Мне не нравится твой меч, – сказал он спустя пару минут. – На нем слишком много крови.

– Он много кому не нравится, и только поэтому я до сих пор жив. Однако не стоит бояться меня, старик. Я просидел тут всю ночь, прислушиваясь к вашему дыханию и ни один твой пес ничего не почувствовал. Я убедил тебя?

В чуме было задымлено и тепло. На завтрак – лепешки, вареная конина и горячий травяной настой с сушеными ягодами. Старик предложил еще кое-что, например подтухшую рыбу, оленью требуху с жиром, брусникой и клюквой, но странник благоразумно отказался.

Поодаль неподвижно сидели скуластые женщины, глядя на него и часто моргая.

– Куда путь держишь? – спросил старик, с удовольствием рассматривая дары – два простых кинжала, купленных по дешевке странником на каком-то рынке в пригороде Пагорга почти год назад.

– Ищу кое-кого.

Следующие слова удивили странника.

– Ищешь проклятого, я правильно понимаю?

С минуту странник собирался с мыслями. Поразительно! На этот раз чутье не обмануло. Откровенно говоря, давненько такого не было. Сразу вышел на некоего проклятого, кем бы он ни являлся. Только бы не колдуном. С колдунами иметь дело не хотелось.

В общем, не зря топал сюда, на край мира. Не то что в последний раз. Даже вспоминать тошно.

– Расскажи о проклятом подробнее, – попросил странник, сделав глоток напитка.

Старик удивленно выгнул бровь.

– Хочу убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке, – поспешил объяснить гость.

– Странные слова ты говоришь, чужеземец. О чем тут рассказывать? Оглянись – вокруг только горы, волки, медведи, хабырга и проклятый, живущий на откосе, по дороге в Бирсну.

– Куда-куда?

– В Бирсну. Место вечного сна. Проклятый живет на границе Бирсны и даже окайанные хабырга не решают заглядывать туда. Зачем он тебе?

– Тайна, дорогой мой. Это тайна.

«Неподвластная даже мне самому», – подумал он.

– Когда я в последний раз говорил с проклятым, – сказал старик, – он предупредил, что за ним придут. И вот – ты пришел. Так всегда бывает, когда кто-нибудь хочет идти в Бирсну. Кто ты?

– Странник.

– Бирсна убивает, чужеземец. Оттуда никто не возвращается. А живущие на пограничье сходят с ума. Не ходи туда. Не надо злить богов.

– Я должен.

– Что ж, это твой путь.

Спустя два часа странник отправился в путь. В шубе и унтах. Дорожный мешок приятно оттягивал плечо, верный меч в руках. Он всегда носил его, словно дитя малое, приобняв. Так ему было удобнее.

На ночь человек демонстративно расположился на открытом месте, у скалы, под навесом. Тут имелся валежник, со скал стекал ручеек, и не так сильно доставал пронизывающий до самых костей ветер. Он набрал в котелок воды и ссыпал туда горсть ягодок.

Долго ждать не пришлось. Спустя полчаса во тьме заблестели глаза, в ноздри ударил запах крови и мертвечины. Хабырга крались, хрипло дыша и совсем по-собачьи свесив языки. Самый смелый из них – получеловек-полуволок вошел в круг света. С клыкастой пасти капала слюна, остатки кожаной куртки смешались с густым жестким волосом, на шее гремела цепь каторжника.

– Ты смел, человек, – с трудом ворочая непослушным языком произнес вожак хабырга.

– Или глуп. Но это неважно – сегодня у стаи будет пир.

Странник спокойно допил напиток, поставил кружку на мерзлую травянистую подстилку и положил меч на колени.

– Знаешь, как избежать схватки с медведем? – протерев рукавом пятнышко на лезвии, поинтересовался он.

Вожак хабырга растерянно посмотрел на сородичей, тем не менее спросил:

– И как же?

– Нужно просто стоять на месте и смотреть на него. Стоять, не отступая ни на шаг, и смотреть. Только не в глаза. В этом случае велик шанс, что косолапый не решит напасть и уйдет восвояси.

– Зачем ты это нам говоришь?

– Я к тому, что медведь – умное животное, – сказал странник, вперив холодный взгляд в глаза падалыщика. – В отличие от вас, несчастных. Я сожалею.

Биться с безмозглыми тварями – не самое приятное занятие. Всё равно что чистить отхожие места. Не для того предназначен его меч, но что делать. Или ты, или они.

Странник крутился на границе света, взмахивая своим величественным клинком, блестящим в свете луны. Твари в бессильной злобе вспарывали воздух когтями, в то время как человек разил беспощадно.

Скальным людям не привыкать к боли, им почти неведом страх, однако даже они вынуждены были отступить под напором его жалящего оружия.

– Мы еще встретимся, – рыкнул на прощание вожак и, схаркивая кровь, умчался прочь.

Оставшиеся последовали его примеру, оставляя на едва припорошенной снежком земле капли крови и утаскивая за собой павших сородичей.

Странник сел обратно, достал из сумы тряпку, и начал тщательно очищать оружие.

Так он и просидел до утра, вслушиваясь в нестихающее завывание ветра, которому жалобно вторили зализывавшие раны хабырга.

На третий день человек достиг хижины отшельника на откосе. Вокруг – горы и убогое строение на самом краю пропасти. Всё это время скальные люди незримо преследовали его.

В хижине никого не было уже дня два. Среди нехитрого убранства обнаружилась выдавшая виды книга, обернутая в окровавленную тряпицу. Титульная страница наполовину оборвана, сохранилось только имя, или же прозвище автора – Лества.

Странник полистал книгу. Видно, что с ней обращались неаккуратно. Книга очень старая, многие листы от ветхости превратились в труху, многие – испачканы. Пятна жира, бурые пятна, разводы, словно от слез. Эту книгу кто-то зачитал до дыр. И она свела его с ума.

«Не книга свела его с ума, – скептически высказалась рациональность. – А дрянная жизнь того, кто ее читал».

– Может быть и так, – сказал странник, выборочно прочитав несколько отрывков.

Ничего интересного, всего лишь заметки какого-то путешественника с изрядной долей вымысла, как это всегда бывает. Такие вещи его никогда не интересовали. Однако от нее веяло чем-то таинственным. Иначе и быть не может. Каков шанс обнаружить нечто подобное здесь, в логове дикаря-шамана, среди связок высохших трав, шкур и камней, символизирующих богов, охраняющих твой покой?

Вот только помогли боги проклятому? Сколько бы ни имелось за твоей душой грехов, всегда есть шанс, что боги защитят.

Странник усмехнулся. Старая поговорка верно гласит: «на бога надейся, а сам не плошай». Так он и делал.

Странник отбросил было книгу в сторону, но тут мелькнула мысль, а что если в ней скрыт ответ на вопрос: кто он и что здесь делает?

Еще раз пролистав заляпанные кровью страницы, странник положил книгу в дорожный мешок, вышел из хижины, спустился в долину и начал ждать, скрывшись в тени.

Вечером, уже на закате, проклятый шаман показался. Устало опираясь о посох, он нес на спине мешок, с которого капала свежая кровь. Знатная добыча – горный баран.

Положив меч на плечо, странник перегородил ему дорогу. Проклятый – такой же старик, как и тот, из племени баахов, вздрогнул и выронил мешок.

– Э... – промямлил он. – Ты прийти убить меня? Ты – дух возмездия?

Странник молчал.

– Кто ты? Почему молчать? Ты искать меня? Ты – дух возмездия?

– Пусть будет так, – ответил, наконец, странник.

– Я так и знать, – сокрушенно покачав головой, сказал проклятый. – Я говорить ему – там дальше – Бирсна. Край ночи и безумия. Я говорить ему – зачем идти туда? А он не слушать. В него вселиться демон – кутх! Это она его заразить, точно! Она – ворон. Она поедает души. Я не виноват! Он уйти, а я остаться. Я – проклятый, я – бырта.

– А книга?

– Книга?

– Чья это книга, что лежит у тебя в хижине?

Проклятый обхватил себя за плечи, помрачнел еще сильнее.

– Эти мертвые слова сводить его с ума. Поэтому я забрать мертвые слова силой, а сам прогнать пеллев. Я сказать пеллев – прочь! Иди прочь!

– Что было дальше?

– Пеллев долго болеть и бредить. Он плакать и умолять меня не прогонять. Всё о любви к ней, к ворон, говорить. Но я устать, сильно устать. Поэтому прогнать. Грех на мне. И мертвые слова не сумею выбросить. Так и лежать. Но ты – выбрось мертвые слова. В них – злой дух! Кутх! Мертвые слова – зло! Пеллев уходить навстречу смерти, а кутх остаться в ней. Я ничего не смог сделать. Я – слаб, ибо я – бырта.

– Где он? Тот, кого ты прогнал?

Отшельник упал на колени и заплакал.

– Хватит причитать, лучше скажи, где тот, кого ты зовешь пеллевым?

– Он уходить туда, вон в то ущелье, – глотая слезы, сказал проклятый. – Там – Бирсна. Там – боль. Я много раз хотеть идти на выручку, но так и не находить сил. И ты тоже не ходить. Он звать, но ты не верь – это зло, что обитать в Бирсне, призывать бырта. Мы все – проклятый. Ты, я, пеллев, люди внизу. Зло поселиться. Я видеть ворон и даже прикасаться к ней. Я проклятый, я – бырта! – Отшельник вдруг порывисто поднялся, придвинулся к страннику и заглянул ему в глаза. – Ты! Слышишь меня?

– Слышу. Говори.

– Убить! Убить меня, прошу! Сил нет! И после – сожги мертвый слова. Там кутх! Ну? Давай!

– Как скажешь, несчастный. Я сожалею, – ответил странник и хладнокровно зарубил шамана. Тело сбросил в пропасть, чтобы не привлекать понапрасну хабырга. Ведь падальщики всё это время следили за ним.

Хижина продувалась всеми ветрами. С трудом запалив очаг, странник долго сидел, глядя на огонек. Ужинать не хотелось. Разболелась голова и сон не шел.

Среди ночи он решился и выбросил книгу в пропасть.

«И что ты наделал? – снова начала рациональность. – Это всего лишь книга, пусть написанная безумцем. Разве могут пустые слова причинить вред убийце?»

– Могут, – сказал странник, глядя в звездное небо. – И еще как могут. Я только что в этом убедился.

«Это эмоции, – не унималась рациональность. – Эмоции вредны. Логика – вот что важно. А в книге могли быть важные сведения. Ответы на вопросы, которые столько лет мучают тебя».

– Плевать. Ни к чему беречь душу.

Странник улегся на скрипучий топчан и забылся беспокойным сном, во время которого он слышал призрачный зов помощи от того самого лекаря – так кажется переводится слово «пеллев». Этим словечком горцы называли алхимиков.

Наутро, как всегда спозаранку, странник отправился в путь. На голодный желудок. Так будет лучше. Ни к чему ослаблять тело перед ментальной схваткой с чужеродной аурой, царившей в Бирсне.

Где и скрывалось то мифическое место, которое Лества называл Замком Дракона.

– Бойтесь, несчастные, ибо я вернусь обновленным и пройду через ваши земли, – усмехнувшись, произнес странник, баюкая в руках меч и прислушиваясь к воплям охваченных священным ужасом хабырга за спиной.

Чем дальше он шел, тем сильнее болела голова. Как свинцом налилась. Хотелось лечь и забыться. Прямо тут, на скалистой земле. «И пусть стылый ветер выветрит из меня всё живое», – закралась обреченная мысль.

– Хм, и правда место вечного сна, – пробормотал странник, поправив дорожный мешок. Его громадный меч приятно оттягивал руки.

Глава 2. Братья, сестры и один взбалмошный ребенок

– Дамы и господа! Друзья! Прошу минутку внимания, достопочтенные свободные граждане! Позвольте представиться – Лебра! Да, да, это я и есть – Лебра Барсикало собственной персоной, к вашим услугам...

Нескладный человек в цветастом камзоле с грязными брыжами и нелепых окулярах на крючковатом носу низко кланяется зевакам и продолжает оглашать площадь своим до крайности неприятным фальцетом.

– Так позвольте же мне в этот приятный вечер...

– Врешь! – выкрикивает кто-то из толпы. – Лебра помер. Дак уже лет двадцать как помер-то.

– На виселице кончил, – добавляет его сосед. – Вздернули, как брехуна вредного. Сказки-то он был горазд сочинять!

– Во-во! Вот и досочинялся, паршивец!

– Так я – Лебра-младший, – поясняет комедиант. – Я в некотором-то роде близкий родственник! И в отличие от того персоналия, коего вы сейчас изволили упомянуть, у меня, позвольте заметить, имеется нерушимое, я бы даже сказал, святое правило – глаголить только правду и ничего, кроме правды. На том и стою, так сказать!

– Так ты стоишь на куче ящиков! Причем в некоторых был навоз! Сушенный, правда...

– Я образно говорю, невежда!

– А, тогда понятно...

– Ну так вот, дамы и господа, все вы знаете, что наемни к нам пожаловала дама, повсеместно известная как Лео. По сему случаю у меня имеются достовернейшие сведения о жизни и необычайных приключениях означенной особы. Итак, располагайтесь поудобнее, я начинаю свою увлекательную, и что самое главное – чрезвычайно правдивую историю. Но сначала, чтобы вдохновить вас и настроить на благодушный лад, позвольте начать с оды, кою я озаглавил: «Песнь о дьявольской красоте».

Нечистый дух, витая средь людей,

Узрел красотку рыжую, шальную.

Встряхнувшись, развратный дьявол сей,

Подкрался к ней и волей роковой,

Околдовал невинную девицу,

Застил ей очи пламенем греха.

С тех пор – увы – словно в темнице

Пребывает дева та, слепа, глуха...

Раздаются жиденькие хлопки, комедиант кланяется и с воодушевлением продолжает:

– Итак, свершилось! Дьявол, известный как безглазый, прельстившись огненными локонами и лазурными очами, совратил юную непорочную душу в ночь полнолуния, в присутствии бесовских служек, читавших молитвы Табу наоборот – а ведь только так и никак иначе и возможно смутить юную душу! Сразу скажу, что подобные шабаши, к величайшему сожалению, практикуются регулярно, ибо так написано в книге под названием «Clysteriorum animae» ...

– Выражайся яснее, задница!

Надменно подбоченившись, комедиант с обидой изрекает:

– Я имею в виду душеспасительное сочинение мэтра Скунцума Пойста, что в переводе гласит: «Клистер^[1] для души». И попрошу далее не прерывать. Итак, получив силы бесовские, наша рыжая ведьма начала носиться по ночному небу на метле, голая, разумеется, завывая при этом так, что у всякого честного народа тут же открывался, простите, merdantium.

– Скажи прямо – понос.

– Эмм... да, так и есть. Но святые отцы и добропорядочные граждане не дремали. Дождавшись, когда ведьма, устав, наконец, оглашать окрестности непристойностями, а также смущать благочестивых горожан своим бесстыдным лоном, сляжет в гроб – ибо, как известно, ведьмы только в гробу и спят, голые, разумеется, – так вот, они накинулись на нее, связали и бросили в темницу. И всё было бы хорошо, только ведьма, чья необыкновенная красота уж больно сильно запала в душу безглазому, лобызая своему греховному властелину зад, напиталась такою силою, что в самый ответственный момент, когда священный огонь должен был очистить ее бедную душу, она начала, еще раз прошу *perdonnate mi* ^[2], испускать зловонные ветры прямо из собственного зада. От этих вреднейших миазмов воспламенилось всё вокруг. Люди задыхались, падали, плача и умоляя о помощи. А ведьма только и делала, что хохотала – с особым, зловредным азартом. Затем она обернулась черною птицею и унеслась прочь.

– Ну ты и сказочник, парень! Ты смотри, услышит тебя капитан, не поздоровится...

– Это правда! – взвизгивает комедиант. – Тому свидетельств имеется великое множество! Кроме того, я основываюсь на новейшем трактате, созданном по горячим следам, названием «*De modo pettandi usu sacandi*» ...

В толпе раздается взрыв смеха, комедиант машет руками:

– Нет-нет, я перепутал, это не та книга, я имею в виду другую работу: «*Summa diabolica*» ^[3] от свидетеля тех несчастий – господина, ныне покойного, Туртупина Елейного. Но я продолжу. Далее ведьма решила охмурить того, чья душа и так находилась на грани – премьерского греховодника и пачкуна Блуда. Заручившись поддержкой еще одного злодея – Буна-кровопийцы, – ведьма змеей проникла в замок Блуда и тут же совратила его.

– Кого? Буна?

– Нет, Блуда. А может и их обоих, кто его знает... Но я продолжу, с вашего позволения. Во время акта прелюбодеяния она досуха выпила его кровь, – я имею в виду Блуда, – после чего наслала проклятие на всю округу и была такова. Вот откуда пошел мор, друзья! Всё она виновата – ведьма!

Далее комедиант, как там его, зловеще понижает голос, видимо, намереваясь внушить ужас слушателям:

– В уголках столь темных, что всякому, забредшему туда тут же отшибало днище... э... я собирался сказать, отшибало память, ведьма со слугами (иные из коих тоже здесь присутствуют – имейте это в виду, друзья, и будьте осторожны!), замыслила известить не кого-нибудь, а самого князя Эгельберта! Обрядившись благородною дамою, ведьма обманом проникла во дворец барона Робаша, дававшего пир по случаю избрания его в городской совет. Что было на том празднестве, скажу я вам! Натуральный вертеп. Изрыгнув из пасти некую вещичку, похожую на каменную скрижаль, с той лишь разницей, что вместо святых текстов там были начертаны наимерзейшие ругательства, ведьма замогильным голосом начала вещать о грядущем мраке, а также она начала чреовещать... ну, вы поняли...

– Ты имеешь в виду *pettandi*?

– Хуже, друзья мои, хуже! Прямо из ведьминого разверзшегося нутра, из безобразно вывернувшегося лона вышли уродливые карлики, кривоногие и пучеглазые, и начали глумиться над гостями, щипать их, кусать и пинать... Кроме того, карлики залили всё вокруг мочой, коя непрекращающимся потоком изливалась из них до тех пор, пока все изысканные яства, поданные на стол, не начали плавать в ней, как кусок доброй голяшки в бульоне. А сама скрижаль тем временем начала громовым голосом разговаривать на том дьявольском наречии, в просторечии именуемом «воплями мертвых», сиречь голосами грешников, в то время как их поджаривает на сковороде его смрадное величество безглазый...

Хорац не выдерживает и начинает ржать.

– Bravo, ты... как тебя... Лебра! – кричит он с высоты своего балкона. – Смело, безумно и очень, ну очень тупо! Держи золотой! – И монета летит в толпу.

Увидев рядом с капитаном меня, Лебра Барсикало-младший бледнеет, спрыгивает с импровизированного помоста и скрывается из глаз.

Знаете, ничего не меняется. Ни здесь, ни в некоем параллельном мире, ни где бы то ни было. Комедианты, стендаперы – черт один. Хочешь быть популярным, накинь побольше пердежа с дерьмом. *Pettandi usu sacandi*. Успех обеспечен.

Заметив мою недовольную физиономию, Хорац с трудом подавляет себя.

– Тебе весело, смотрю, – мрачно говорю я, скрестив руки на груди. – Какой-то ублюдок прилюдно поносит даму твоего сердца, каковой ты поспешил меня во всеуслышание объявить, а тебе, черт возьми, смешно?

– Да ладно тебе, Лео! – машет он рукой. – Не принимай близко к сердцу. Знаешь, какие байки обо мне ходят? Нет? Я как-нибудь расскажу тебе – обхохочешься! Да и потом – всем рот не заткнешь!

Он подходит, обнимает меня. Руки теплые.

– Ну, расслабься, восхитительная моя!

– Не могу.

– Понимаю. Тебе тут все незнакомо, и люди грубые, неприветливые. И тем не менее, есть и хорошее.

– Например?

– Ну вот... твоя Сандра – ведь она жива! Три дня прошло, а ведь держится! Чем не новость? Крепкая девчушка, ничего не скажешь! И Гарт говорит, что с нее сходит эта... ну короста что ли...

– Сандра в глубокой коме, из которой, учитывая здешний уровень медицины, она вряд ли когда-нибудь выйдет. А если и выйдет, точно не будет прежней.

– Не драматизируй. Надейся на лучшее.

– Легко сказать.

Хорац смотрит мне в глаза.

– Лео! – начинает он. – Послушай, что я хочу тебе сказать. Думаю, ты достаточно скрывалась. Мои люди хотят познакомиться поближе. Да что там! О тебе только и говорят. Насчет того прискорбного случая с отрубанием головы Друнке можешь не волноваться – уже забыли. По дуракам недолго скорбеть... Так что, предлагаю тебе, а также остальным твоим людям присоединиться сегодня вечером к нашей компании. Будет добрый ужин, будут все...

– В то время, когда по твоим землям рыскают вампиры, – прерываю его, – ты закатываешь пир в мою честь?

– Да что же это такое-то! Где та язвительная, остроумная красотка, которую я видел в Элме? Что-то ты совсем скисла, любовь моя!

– Не называй меня так, сколько раз просила! Ненавижу...

Хорац притягивает меня к себе и целует. Ничего не скажешь, поцелуй немного расслабляет.

– Ладно, так уж и быть, приду, – смягчаюсь. – Вместе с Тельгой.

– А остальные?

– Пегий с Чошем облюбовали кабачок этого Дубраво, который вроде как внук знаменитого пивовара, Куль в депрессии после потери руки, Васальга по уши занята в своей кузнице, так что будем только мы вдвоем.

– Отлично. Я посажу тебя рядышком, а Тельгу...

– Нет! Я тебе не жена, сидеть одесную от мужа. Или ошуюю, не знаю, как там по этикету полагается... У тебя есть дочь, вот и посади ее рядом с собой – тебе не помешало бы побольше внимания уделять собственной кровиночке. А мы устроимся подальше. Чтобы никого не смущать и не злить. Скромненько так, среди простых парней. Вон Гену с нами посади, нам так будет проще.

– Но...

– Не спорь! Я так решила и точка!

– Хорошо, хорошо! Но мне бы хотелось чувствовать твое прикосновение...

– Успеешь еще прикоснуться.

– Две ночи прошло, но о прикосновениях, увы, остается только мечтать. Я жду тебя, Лео, но ты никак не идешь.

– Я тебе что, девица для утех? Потрахаться невтерпеж – пойди, вылови в толпе кого-нибудь. Расскажешь им о рыжей ведьме, пускающей ядовитые миазмы из жопы.

– Нет, конечно же нет. Но я ведь люблю тебя...

– И нечего мной помывать, я девушка свободная!

– Вот сейчас я вижу прежнюю Лео. Кусачую, злую. Такой ты нравишься мне гораздо больше!

– Да иди ты...

В большом зале, скудно освещенном факелами и солнечным светом из порядочно запыленных стрельчатых окон на высоте не меньше четырех метров, собрался весь цвет ганзы Хораца – куча мужиков на все вкусы. Длинный дубовый стол богато накрыт разнообразной снедью – тут и рыба, и мясо, и вареный горошек, и кукурузная каша, твердая, как кирпич (ничего не скажешь, любят местные такую специфическую ядь), и пироги с мясом, и квашенная капуста, фрукты, сладости, хлеб, ну и разумеется, бухло, в основном пиво и вино.

С удовлетворением отмечаю, что мой Гарри самый смазливый среди них. Женщин нет, если не считать нас с Тельгой и худенькой темноволосой девочки в траурном черном платье. У нее острые черты лица и смурной взгляд, выдающий скверный характер. Что она незамедлительно демонстрирует.

– Потаскуха, – шипит она сквозь зубы, величаво проходя мимо меня. – Подстилка гребаная. Вали в свой грязный бордель, чертовка, и не трогай моего папу!

Я игнорирую мелкую. Все-таки она ребенок. Хотя и крайне невоспитанный. Но это вина родителя. Надо бы поговорить с ним о правильном воспитании подрастающего поколения.

А вот и он. Берет дочь под руку, подводит к нам.

– Ада, познакомься – это Лео, о которой я тебе столько говорил.

Ада делает реверанс по всем правилам – скромно потупив взор.

– Рада видеть вас в нашем замке, госпожа Лео, – пищит она уже совсем другим голосом – таким, каким, должно быть, вещают ангелочки.

– Просто Лео, милочка, – натянув на себя самую радушную улыбку, которую только способна изобразить, говорю я, поцеловав воздух рядом с ее щечкой.

«Гори в аду, стерва!» – говорят ее глаза.

«Ох и достанется твоему папеньке!» – видимо, говорят мои.

– А это – Тельга, верная подруга нашей гостьи, – продолжает Хорац, но Ада, не обратив на мою дриаду никакого внимания, уходит прочь, гордо вскинув голову.

Замечаю неодобрительные взгляды, которые на нее бросают мужики. Значит, не только мне не по нутру норов возлюбленной дочурки капитана.

– Простите ее, милые мои, – оправдывается Хорац. – Ада разволновалась, видишь ли...

– Ничего, ничего, Гарри, ты ступай, за нас не волнуйся.

Дождавшись когда все соберутся и усядутся, Хорац поднимается, берет в руки кубок, и, прочистив горло, говорит:

– Братья! И сестры, конечно же! Так, минутку внимания, отложите ложки в сторону, нажраться еще успеете. Весь вечер впереди! Слушаем меня! Итак, братья, – обратите внимание на наших гостей, пожалуйста! Вон та рыженькая – ее звать Лео, слышали уже, наверное, не так ли? А рядом с ней, которая светленькая – это Тельга. Прошу любить и жаловать! Скажу особо, для непонятливых – они наши сестры. Боевые сестры, прошу заметить!

Последняя шпилька, видимо, относится к презрительно фыркающему лысому кабанчику с густой-прегустой бородищей, причем черной, как смоль, и пальцами-колбасками, которые он уже успел вымазать в жиру. Половина его лица носит следы ожога, что придает ему натурально людоедский вид. Эдакий Карабас-Барабас.

– Это кто? – интересуюсь, наклонившись к Геннаду.

– Бунда Горелый. Неприятный тип.

– Это который друг Козы и отчим Васи?

– Он самый. Советую быть с ним осторожнее – чуть что, сразу хватается за кинжал.

– Понятненько. Вижу, я ему припала не по нраву.

– Ему никто не по нраву.

Бунда изображает самую что ни есть презрительную гримасу.

– Может их задницу расцеловать, сестер твоих? – спрашивает он.

– В задницу целовать нет нужды, но выказывать уважение – надо.

– Прогони их, Бунда! – тихонько говорит ему Ада.

– Ада! – возмущенно восклицает Хорац. – Что за слова?

Бунда одаривает девочку таким же неприятным взглядом, что и нас с Тельгой.

– А эта козявка что здесь делает? – спрашивает он и тут же получает куском кукурузной каши по харе. Смахнув с лица остатки каши, Бунда философски замечает: – Ну что, братья, вы еще верите в нашу победу? С таким-то капитаном, который даже собственную дочь не способен приструнить! Была бы моя воля, давно выпорол бы нахалку! Но папенька нам все прощает, папенька нас любит. Тьфу!

Ада показывает ему язык и с крайне обиженным видом отворачивается.

– Послушай меня, Бунда, – обращается к нему уже знакомый нам Волк, или Вольфганг ван Сташи, родной дядя капитана. Еще один брюзга. Причем такой, каких поискать. – Не порть нам трапезу, прошу тебя. Завтра, на собрании, обсудим наши проблемы. Сиди и не дергайся. Ясно тебе, или нет?

– Вполне. Буду сидеть и не дергаться. Поесть хоть можно, или тоже запрещено?

– Не передергивай. Ты понял меня. Прибереги запал до завтра.

– Да, дядя, – мрачно говорит Хорац. – Завтра обсудим. Слышишь ты меня, Бунда?

– Слышу, слышу.

– Вот и хорошо. Вот и заткнись.

Высокий худой бледный мужик со впалыми щеками и холодным взглядом из под кустистых бровей столь же холодно смеется.

– Так, а этот кошей кто? – интересуюсь у Гены.

– Михаэль Поуль-Топор. Своеобразный человек.

– Со своими тараканами в башке?

– Хмм... можно и так сказать.

Хорац поворачивается к нему, недоуменно вскидывает бровь, Миха-Топор тут же поднимается и, подчеркнуто вежливо поклонившись нам, поднимает бокал и говорит сухим и безэмоциональным голосом:

– За наших гостей!

– Вот за это я выпью! – поддерживает Хорац, не сводя с него настороженного взгляда.

Бунда снова фыркает, Волк скептически усмехается, Ада сидит насупившись.

– На кого еще стоит обратить внимание? – продолжаю допытывать Геннада. – Кто тут в тузах ходит?

Следопыт чешет затылок.

– Да тут много всяких... – говорит он. – Но самый вес имеет эта троица – Бунда, Волк и Топор. Есть еще молодежь, вон те близнецы, например. – Иван и Патман. Тоже вполне попу-

лярные среди бойцов. Они попроще ребята, с ними вполне можно сдружиться. Правда бедовые, охочи до всяких приключений. Вечно рвутся в бой. Что сказать – молодежь!

– Но женоненавистничеством не страдают, как я понимаю?

– Э... жено... что?

– Как к нам, бабам, относятся?

– Нормально. Я бы даже сказал, очень даже положительно.

Два вихрастых лопоухих парня, совершенно неотличимых друг от друга, за исключением того, что у одного отсутствует передний зуб, у другого имеется седая прядка в волнистых каштанового цвета волосах. Оба буквально пожирают нас голодными взглядами. Подмигиваю обоим, что немного вводит их в ступор. Начинают поглядывать на капитана. Типа, как бы не просек, что на его зазнобу засматриваются.

– А вот мне они не нравятся, – недовольно говорит Тельга. – И вообще я тут не своей тарелке.

– Что, не любишь, когда на тебя пялятся?

– Не люблю. Пойдем отсюда, Лео.

– Да ладно тебе, посидим еще, а то неудобно так-то.

Но дальше трапеза сводится к активному истреблению пищи, сопровождаемому столь же активным потреблением спиртных напитков. Ада практически не притрагивается к еде. Строит нам гримасы, кидается кусками мяса, вытирая пальчики о Волка и постоянно говорит гадости всем окружающим. Наверняка и нас поминает нехорошим словом, но мы сидим далеко, плюс часто отвлекаемся на ничего не значащие беседы с соседями, так что все оскорбления проносятся мимо наших ушек. А вот Бунда набычился, терпит, да и Хорац с каждой минутой становится все злее и злее. Топор, которому тоже достается, лишь снисходительно усмехается, братья-близнецы на каждую выходку реагируют дружным смехом, словно каждое ее словечко – вверх остроты.

В конце концов даже Волк – единственный, кого Ада хоть как-то слушает, – не выдерживает. С досадой швырнув на стол обглоданный кусок куриной ляжки, он говорит:

– Ну все, племяш! Выведи ее из-за стола! Это настоящее позорище! Что подумают о нас твои так называемые сестры?

– Не мои, а наши...

– Да какая разница – твои, мои! Выведи Аду, или я за себя не ручаюсь. Выпорю так, что мало не покажется!

Хорац с наимрачнейшим лицом хватается Аду за локоть и уводит ее прочь. Девчонка упирается. Уже за дверью он начинает отчитывать ее (простите, но я, воспользовавшись своей способностью, специально навелась на них, подслушиваю):

– Ты что творишь, Ада? За что ты так со мной?

Ада молчит.

– Ответь, почему ты так ведешь себя? Может, я чем-то обидел тебя, обделил чем? Я посадил тебя рядом со мной, и это – честь, знаешь ли...

– Ненавижу вас всех! – вдруг кричит Ада так, что даже в зале все умолкают. – Ненавижу, ненавижу! Сдохните все! Пусть вас упыри сожрут!

И убегает в слезах. Эхом отдается стук ее маленьких туфелек. Хорац стоит, оглушенный, не в силах объять всю степень катастрофы, ибо только так можно назвать то состояние, в котором пребывает девочка.

Блин, мне становится ее так жалко, что я говорю Тельге:

– Знаешь что, подруга? И правда, пошли отсюда. Что-то у меня аппетит пропал...

[1] Клистир – старинное название клизмы;

[2] Perdonnate mi – простите меня;

[3] «De modo pettandi usu cacandi» – о различных способах пердежа и дефекации.
«Summa diabolica» – итог дьявольский.

Глава 3. Женские разговоры – опасная штука

Выйдя на улицу, первым делом замечаем здоровенную крысу. Чуть не спотыкаемся о нее. Ничего удивительного, эти пронырливые твари показывались даже в моей опочивальне, что уж говорить о подворотнях. Они так расплодились в замке, что уже никого не боятся. Не в последнюю очередь из-за скудного освещения – факелы горят через раз, иные закоулки вообще погружены в непроницаемую тьму даже днем.

А закоулков, скажу я вам, тут полным-полно. Полагаю, это связано с одной характерной проблемой для такого рода строений – стоящих особняком. Звучит проблема так: семья растет, а пространство – нет. Вот и приходится возводить всё новые и новые постройки на ограниченном куске земли, пока оно не становится похожим на лабиринт.

Не скажу что в родовом гнезде графьев ван Сташи с этим обстоят дела совсем неважно, но тем не менее заблудиться можно запросто. Что мы с Тельгой и делаем.

Далее видим лежащих прямо на земле, среди мусора и киснувших пищевых отходов, людей – грязных оборванцев, назвать которых бойцами не поворачивается язык. Мертвецки пьяное отребье из самых низов. Знаю, что они из так называемых «летучек». Собрались по призыву капитана. Между них шмыгают вездесущие крысы.

– М-да... – единственное, что могу я сказать по поводу увиденного.

Перешагиваем через них, идем дальше.

Проплутав, выходим на дворик, или мини-площадь. Тутлюдно, ярко освещено и шумно. Подвыпившая компания, с виду похожая на пресловутых ландскнехтов с каменоломен Блуда, веселится, кидая дротики, ножи и кинжалы в развешенных вдоль стены мертвецов. Причем не просто так, а с усложнением – мертвецов раскачивают, так что попасть надо в движущуюся цель. Каждое удачное попадание бурно отмечается – стучаются кружки, смех, скабрзные шуточки.

Заметив нас, парни присвистывают от удивления. Один из них – немного поистрепавшийся франт – молодецки подкрутив усы, подкатывает к нам.

– О-ляля! Позвольте поинтересоваться: почему и отчего столь прекрасные дамы гуляют в такую позднюю пору одни-одинешеньки? И не боитесь?

– Кого, тебя? – спрашиваю я с вызовом.

Но сцепиться нам не удастся, а жаль – я бы не против кому-нибудь разбить рожу. Прямо руки чешутся. Не знаю почему. Может, окружение способствует.

Франту что-то шепчут в ухо.

– О! – восклицает он. – Да что вы говорите? В самом деле? – Шаркнув ногой, франт низко кланяется. – Позвольте, госпожа Лео, засвидетельствовать свое почтение! Не признал, каюсь. Впрочем, никто не скажет, что Леонардо когда-нибудь хоть чем-нибудь обидел хоть одну прекрасную даму! Уверяю вас, почтеннейшие, ни у меня, ни у моих друзей и в мыслях не было ничего предосудительного! Наша реакция – это невольный ответ на столь чудное появление вас, небывалых красавиц, такую темную порою!

– Охотно верю.

– Вот и отлично! Вас сопроводить?

– Не стоит. Мы найдем дорогу.

– Не будем навязываться, но все же – будьте осторожны! В этот час тут всякие бродят!

– Запомним.

– Кстати, госпожа Лео! Осмелюсь задать вопрос – как вы отнеслись к тому гнусному и насквозь порочному представлению, данному на площади неким типом... как его там... Ребла, Вобла, Белиберда...

– Нормально.

– В самом деле? Нет, вы только скажите – мы его сразу найдем и вздернем, как вот этих подлецов! Нет, но каков нахал – вы только представьте! Оскорблять даму сердца нашего славного капитана! Это ему с рук не сойдет! Найдем, всыпем по первое число!

– Пусть живет. Я прощаю его.

– В самом деле? Я не ослышался? Невероятно! Нет, вы слышали, парни, что она сказала? Простить подлеца – сильно! И вот что я вам скажу, парни! Вот это правильно! Вот это великодушие! Учитесь, парни! Не стоит ставить себя в один ряд с пустобрехами, верно я говорю?

Парни дружно соглашаются, опрокидывая в себя новую порцию алкоголя.

– Скажи-ка мне, Леонардо, а чем виноваты эти вот товарищи? – указываю на висельников.

– Эти? – спрашивает Леонардо, смахнув пену в усов. – Да кто ж его знает? Воры, насильники, шпионы. Раз повесили, значит так надо. Тут у нас с этим просто – попался – в петлю! Верно я говорю, парни?

Парни снова дружно соглашаются.

– Некоторые, я посмотрю, висят уже давно, – замечаю, сморщившись от невыносимого запаха. – Пованивают.

– Что верно, то верно. Из кое-кого уже черви вываливаются, после того как мы в них пухлем как следует, ха-ха-ха!

– Ладно, ребята, с вашего позволения мы пойдем. Где здесь таверна Дубраво?

Ребята объясняют, как туда пройти и сердечно прощаются с нами. Слишком даже сердечно. С обязательным чмоканием наших ручек. Пьяниц, если они в благодушном настроении, частенько пробивает на подобного рода эмоции.

– Не станем навязываться, почтеннейшие дамы! – говорит франт, один за другим отвешивая, надо признать, весьма элегантные поклоны. – Только одно скажу – знайте, что Леонардо всегда к вашим услугам! Стоит только позвать – и вольные стрелки Леонардо встанут за вас горой!

– И много вас таких?

– Сколько бы ни было – все отменные храбрецы, красавцы и рыцари в лучшем смысле этого слова – галантные, воспитанные и весьма образованные. Капитан знает и ценит нашу доблесть!

– А ты, значит, их вожак?

– К вашим услугам, почтеннейшая Лео!

– Тогда чего ты здесь, а не на пиру?

Леонардо кривится, будто проглотил что-то гадкое.

– Я вольная птица, – говорит он с нескрываемым презрением. – Мне эти семейные посиделки, знаешь ли, поперек горла. Слушать бахвальство всяких там болванов, называющих себя лейтенантами! Тьфу!

Покидаем эту гоп-компанию. Надо было попросить любезного Леонардо показать нам дорогу, но уж больно он шумный и надоедливый. А так приходится бродить еще с полчаса, если не больше.

Что только не предстает перед нашими глазами! Проходим по бедняцкому кварталу, где в тесных убогих комнатухах ютятся женщины с детьми. Сдуру попадаем в вонючий закуток, который оказывается главной клоакой замка. Количество нечистот – в бочках, мешках, кучами, – не поддается исчислению. Куча измазанных фекалиями людей ссыпают отходы в дыры в полу – дерьмо падает в пропасть.

Следуем мимо лазарета, где под присмотром женщин из какого-то псового ордена, специализирующегося на врачевании, лежат больные дизентерией, чесоткой и гельминтозом. Типично средневековые болезни. Человек сто – много это или мало, вот в чем вопрос.

Хорошо хоть оспенных и чумных нет. Пока.

В общем, насмотрелись мы с Тельгой ужасов до шиша и больше. Лучше бы остались на пиру у Хораца. К таверне подходим совсем снулые.

И первая, кого мы там видим – Козья, мать ее так.

– Батюшки! – всплескивает она руками. – Кого я вижу! Подруженьки мои ненаглядные! А ну идите к бабе Козье, дайте я вас расцелую как следоват!

Знаете, после ночной прогулки по замку, видеть эту противную рожу... даже приятно. Не удерживаюсь от улыбки.

– Ах ты прошмандовка старая! – говорю я, отвечая на объятия. – Ничем тебя не проймешь!

– Ты о чем, милая моя? Вспоминаешь, как по роже мне надавала? Та! Как будто сама не получала! Да и потом – кто старое помянет, тому глаз вон. Рада видеть вас в добром здравии, девоньки!

– Взаимно, Козья, взаимно!

– А ну быстро за наш стол! Там и Чош ваш сидит, хандрит, правда. По секрету скажу – это ему моя толстозадая... кхм... я хотела сказать это ему моя дражайшая внученька мозги крутит! В печали лосяра, в великой печали! Но я вам ничего не говорила! Я – молчок! Да, и Пегий – этот ваш проныра тоже тут. Хитрый гусь, жрет, пьет, да по сторонам посматривает. Верно, стащить че-нить хочит. Ворюга – одно слово! Ну, давайте, давайте, поспешайте! Эй, Дубраво, чертило лысый! Слышишь ты меня, тупня? У нас гости дорогие – понял, нет? Не вкуряешь никак? По носу тебя щелкнуть, чтобы проснулся, боров? Тащи снеди посочнее, да пивчишко свое лучшее нацеди с добрый бочонок! Ну пошевеливайся, жопа, пошевеливайся! К нам ее выдающество Лео пожаловала собственной несравненной персоной! Эй вы, олухи! – Это Козья обращается уже к остальным посетителям заведения. – Смотрите не ослепните, оболтусы! Кусаются девоньки, ох как кусаются – по себе знаю! Так что руки не распускать, ежели не хотите, чтобы их вам оттяпали!

Заведение Дубраво, как утверждается, родного внука легендарного пивовара, одно из немногих по-настоящему уютных местечек здесь. Тем удивительней, что здесь не так много того сброда, коим так напичкан весь замок. Видимо, пользуется покровительством кого-то из боссов. Что нам только на руку.

Обстановка типично кабацкая в хорошем смысле слова – отделка деревом, разнообразное оружие на стенах, много свечей, приятные крепко сбитые девки с батареей увесистых кружек в руках, ловко лавирующие меж столов и загребуших рук, жаркое и колбасы. Ну и добродушный краснолицый сонный дядька за прилавком как вишенка на торте.

Присаживаемся за стол в углу. Кроме скучающего Пегого, свесившего голову Чоша и неугомонной Козьи тут сидит деваха, которую Козья представляет, как Диану. Едва взглянув на Диану, сразу понимаю – штучка непростая. С виду ей лет двадцать пять, и если бы не черные волосы, сальными прядями падающие на плечи, пронзительно черные глаза с вульгарной расплывшейся опять же черной подводкой вокруг, ядовитая ухмылка и кинжал на цепи, повешенный на шею, смело можно сказать, что она – отменная красавица. Из тех, про кого говорят – роковая. Я бы даже сказала – демоническая.

Сразу понимаю, что с ней шутки плохи.

– Этот уродец, – кивает Диана на Пегого, – предлагал мне провести с ним ночь.

Ни тебе здрасьте, ни до свидания – с места в карьер. Голос у нее низкий, вкрадчивый. Ну прямо дьяволица, а не девчонка! Того и гляди прирежет. Такая просто обязана быть либо воровкой, либо убийцей.

– И что тут необычного? – спрашиваю я. – Противный всем это предлагает.

– Но никто не скидывается, я правильно понимаю?

– Спроси у него.

– А что толку? Он только и умеет, что бахвалиться.

На столе появляется пиво. Отпиваю маленько и чуть было выплевываю. По сути, это кисель с медом, сильной травяной горечью и ароматом тмина, корицы и еще чего-то. На пиво в моем понимании никак не тянет. Не скажу, что противное, просто я не привыкла к такому.

– Ты сама-то кто такая? – сделав еще крохотный глоточек, спрашиваю у Дианы.

– Зачем тебе знать?

– Просто Пегий – мой друг. Да-да, знаю, он противный, мерзкий и так далее. Но друг. Мы с ним прошли огонь и воду. Ясно?

– И что из этого следует?

– Не знаю. Делай выводы сама. И нечего зыркать на меня, будто я тебе в кружку нассала. Видала я таких, как ты, в гробу и в белых тапочках.

Диана растягивает рот в самой хищной улыбке, какие только я видала. Аж холодком по спине протянуло.

– Ты не думаешь, что он не стоит этого разговора? – спрашивает она.

– Я думаю, что ты – та еще сука, – отвечаю. Не люблю ощущать дискомфорт, а от этой дьяволицы так и веет чем-то очень нехорошим. – Отстань от меня, надоела.

– Так-так, вы чего это? – вмешивается Козья. – А ну-ка прекращаем гавкаться! А ты, Дианочка, прости Лео – она из тех, кто за словом в карман не лезет. Да и ты, Лео!..

– Что я?

– Ты чего это окрысилась на Дианочку?

– А что, нельзя?

– Мне не нравится.

– Это почему? Она тоже внучка?

– Нет. Она – дочка.

– В самом деле? Такая же, как и Васальга?

– Нет, всамделишная.

– Ого! Я бы сказала, вы не очень-то похожи.

– Вся в отца уродилась, негодница.

– А кто отец?

– Да кто ж его знает! Скоко у меня мужиков было, разве упомнишь! Кто-то, зная, семечко-то и посадил. Вот и вышла краса. Не хотела рожать, да поздно спохватилась – уже пузо выросло ого-го какое! И вот итог, поглядите-ка – вот такая шмара! Ничего так, правда, девоньки?

Сразу вспоминаю Бунду с черной-пречерной бородицей, гляжу на Диану с интересом. Да нет, слишком молод Горелый для отца, ему никак не больше сорока. Брат?

Диана выслушивает это признание со стойкостью аскета. И бровью не ведет. Она вообще на своей волне, как я понимаю. Изначальная моя враждебность постепенно уступает место любопытству. Чем занимается, интересно? Точно не проституцией.

Едва прозвучало слово «рожать», как в себя вдруг приходит Чош. Хлопает лапицей по столу так, что кружки чуть не опрокидываются.

– Она прогнала меня, Лео, ты понимаешь? – мычит он. Понятно, набрался из-за ссоры. Классика. – Так и сказала – пошел прочь, дурак! Вот и всё!

Диана бросает на него ничего не выражающий взгляд и говорит:

– Вот его я понимаю. И поддерживаю.

– Я ей, дуре, хотел объяснить, – продолжает Чош, – ну какие, к чертовой матери, дети в наше-то время? Рожать? Здесь? Это безумие, Лео, безумие! Ну хоть ты, Лео, вразуми ее! Тебя-то она послушается!

Ага, ситуация прояснилась. Семейная драма. Понимаю, почему Козья призывала меня молчать. Тема деликатная. Поговорю с ним на его трезвую голову.

– Ты бы шел спать, Чехонте, – говорю ему. – Утром поговорим, обещаю. Пегий, проводи приятеля.

Но Пегий почему-то не реагирует. Сидит, смотрит куда-то в сторону.

– Эй, ты меня слышишь? Алё? – Щелкаю у него перед носом пальцем.

– Меня оскорбили, – задумчиво отзывается Пегий. – Сказали, что я «мозгляк с писюном с горошинку, недостойный даже пятку лизать настоящей женщине». Так и сказала, только представь...

– Ой, ну хватит скулить! – прерываю его нытье. – Делай что велено! Тоже мне нашелся тут... обижулька.

– Я не обижулька. Просто не позволю принижать мое мужское достоинство!

– Ты еще продемонстрируй свое мужское достоинство.

– И продемонстрирую! Вот ей – этой ведьме, – Пегий указывает на Диану, – продемонстрирую! Только боюсь, ей плохо станет! Ты сама знаешь о чем я, видела собственными глазами!

– Всё, иди, надоел. И не забудь Чеха прихватить. Избавьте нас от своего общества, ради бога! Дайте нам посидеть чисто в бабьем кругу.

– Она сошла с ума! – причитает Чош. – Вы понимаете, что я говорю? Бабы – зло!

– Пегий, ну не тяни, забирай здоровяка!

Наконец, они уходят. Пошатываясь и спотыкаясь. Оба. Едва в дверной проем попадают. Я вздыхаю с облегчением. Не люблю, когда мужики ноют. Жутко не люблю. Отхлебываю еще глоточек пивца. А ничего так напитокчик! Пожалуй, приналягу на него.

Тут я замечаю, что все трое – Тельга, Козья и Диана – смотрят на меня с некоторым ожиданием, я бы сказала.

– Чего уставились?

– Может, объяснишь? – спрашивает Тельга.

– Ты о чем?

– О том, где ты видела мужское достоинство Пегого.

– А я была о тебе лучшего мнения, милая моя, – добавляет Козья, укоризненно качая головой.

Ах вот они о чем! Не выдерживаю и начинаю ухохатываться.

– Я бы рассказала, – отвечаю я, немного успокоившись, – но боюсь вы мне не поверите.

– И тем не менее? – напирает Тельга.

– Ну хорошо, – отвечаю и выкладываю подробности о том, что было во дворце барона Робаша. Как мы с красавчиком Дантеро чуть было не спалились, и как Пегий пришел на выручку, отколов один из самых гениальных своих номеров.

– Ты права, – подводит итог моей истории Диана. – Не верю.

– А ты попроси его показать штуку, что прячется у него в штанах, – отвечаю я. – Если там будет то, о чем я только что говорила, то... ну не знаю... попросишь у него прощения. Как минимум.

– А если нет?

Пожимаю плечами.

– Другого варианта просто не существует. Если только он сам его не укоротил.

– А я бы взглянула! – говорит Козья.

– Боюсь, матушка, ты под ним помрешь, – говорит Диана. – Если Лео не врет, конечно.

– Да что ты обо мне знаешь! И не таковские видала!

– Угомонись, матушка. И вообще, тебе пора на покой. Баю-бай, матушка!

– Ты чего это меня спать укладываешь, милая моя? Как какую-нибудь спятившую старуху!

– А что, это не так?

– Но-но-но! – возмущается Козья. – Ты как с матерью разговариваешь, сопля? Ах ты вошь недоношенная! Я не позволю так обращаться со мной! Знаешь ты кто? Ты – проститня! Вот так!

– И я тебя люблю, матушка, – ледяным тоном произносит Диана.

– Ой, да ты мой цветочек! – тут же умиляется Козья. Я смотрю на старую и просто охреневаю от того, как быстро у нее меняется настроение. – Ну дай я тебя почеломкаю, негодница! – Они мило целуются. – Ты прости бабу старую – уже из ума выжила! Но спать не пойду, так и знай! В кои-то веки с подружницами встретила, а ты меня – вали нахрен, шмондя! Нет-нет, так не пойдет. Да знаешь ли ты, что мы с Лео и Телечкой, можно сказать, плечом к плечу с мохначем бились! С жутким монстругой! Сражались, как проклятые!

– Вот не надо врать! – вмешиваюсь я. – Ты вместе со своими дурнями смылась, только пятки сверкали. Один Акведук не струсил. Твой Акведук погиб геройской смертью.

– Вот! – цепляется за последнее Козья и поднимает кружку. – Помянем дуралея!

– Помянем! – соглашаюсь. – Только про его абрикосы я слышать не желаю ни слова!

– Ну ладно, не буду...

Когда бешеная яга Козья ожидаемо вырубается, плюхнувшись своей безобразной физиономией о щербатый стол, мы наконец-то можем поговорить по душам.

– Итак, Диана, – спрашиваю. – Ты не сказала, кто ты.

– Не скажу, – отвечает она.

– Почему?

– Потому-что ты не ответила мой вопрос: тебе зачем?

– Хмм... – задумываюсь. – Скажем так – мне нужны опытные бойцы. Предпочтительно женского пола. Своего рода женская гвардия.

– На службе у твоего хахаля? – подначивает Диана. Ох и скользкая шельма!

– Я сама по себе, – хмуро отвечаю я.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– А ты?

– Больше некуда идти, – равнодушно говорит Диана. – Вокруг – упыри, к созданию которых, как я слышала, ты приложила ручку.

– Мало ли что болтают. И находимся мы здесь по той же причине.

– Что не мешает тебе трахаться с капитаном.

– Что, нельзя? Ревнуешь?

– Я? К этому пустозвону? Не смей меня.

– Лучше всё равно не найти.

– Я бы посоветовала тебе держаться от него подальше, но ты ведь меня не слушаешь, не так ли?

– А может, это от тебя надо держаться подальше?

– В иных случаях – верная мысль.

– Ну хорошо, – говорю. – Тогда скажи, кому вообще тут можно доверять? Бунде что ли, братцу твоему?

В первый раз за весь вечер Диане изменяет выдержка. На мгновение она изумляется, но тут же возвращает фирменную презрительную усмешку.

– Как ты догадалась? – холодно спрашивает она.

– Я же ведьма, забыла? Монстров наплодила, мир в тартарары отправила, а тут такой фокус – тфу, а не магия.

На минуту воцаряется тревожная тишина.

– Он мой сводный брат, – наконец, мрачно признается она. – У нас один отец.

– Значит, матушка твоя соврала? Знает, кто семечко посадил?

– Не трогай мою мать. И Бунду тоже не упоминай. Ненавижу этого ублюдка.

Так, вступаем на опасную территорию. Сменим разговор.

– Хорошо, Диана. Чтобы никого не травмировать, давай поболтаем о нейтральных вещах. Мы с Телей тут новенькие. Может, поведаешь нам о здешних боссах? С кем можно иметь дело, а кем – нет?

– Они все – конченные, – безапелляционно заявляет она. – Была бы моя воля, всех бы на виселицу отправила.

– Так-так, с этого момента поподробнее.

Глава 4. Мужские разборки – дело пустое

– Привет, Сашенька! Прости, что не навещала тебя так долго – столько всего навалилось, знаешь ли. Ты как тут? Гляжу, и правда твое лицо чуточку посвежело. Эти ужасные темные пятна на твоём личике бледнеют. До румянца еще далеко, но хоть что-то! Да и дыхание выравнивается. Гарт всё изумляется, говорит это чудо, такого быть не может! Но мы-то знаем, в чем секрет, не правда ли? Ты обязательно скоро поправишься, Саша, даже не сомневайся! Драконья кровь творит чудеса! Ну, не драконья, конечно, это я загнула... Вспомнила один сериальчик из прошлой жизни. Пусть будет Настина кровь.

Я умолкаю, собираясь с мыслями. Монолог, по сути, в пустоту – сомневаюсь, что Сандра меня слышит и понимает. Хотя, кто его знает? Тем не менее, отчего-то так хочется выговориться! Это помогает в спокойной обстановке проанализировать увиденное и услышанное – а Диана много о чем рассказала, знаете ли! Понятно, что по большей части это всего лишь слухи, приправленные явно предвзятым отношением дочери Козьи ко всему, что ее окружает, но было среди них и кое-что интересное.

Например – нянькой и отчасти воспитательницей Ады была не кто-нибудь, а сама баба-яга Козья. Диана искренне не понимает, почему девчушка стала такой капризной, ставя в пример себя.

«Вот я, – заявила она не без гордости, – совсем не такая, хоть их вырастила нас одна и та же женщина».

«Дай угадаю – тебя мать никак не воспитывала – правильно? – спросила я тогда. – Даже не глядя, скажу – Козье на тебя было наплевать, может, она даже поколачивала тебя, иногда ты вынуждена была голодать, побираться и всё такое, верно? Вот поэтому у тебя и выработался характер – ты привыкла выживать. Не могу сказать, что это заслуга Козьи, но тем не менее, такой ее подход в итоге удался, как ни странно это звучит. Но Ада – другое дело. Она сызмальства окружена вниманием. Папаша всячески баловал ее, матушка твоя наверняка сюсюкалась с ней, как ни с кем другим. Но в то же время, думаю ты согласишься со мною, – Ада всегда оставалась в одиночестве. Вот у тебя в детстве было много друзей? Много – ведь ты всегда была окружена людьми, которые смотрели на тебя не как на принцессу, а как на ровню со всеми вытекающими. А у Ады что? Назови хоть одну подругу? То-то и оно».

По итогу мы все дружно начали жалеть девчонку и решили найти к ней подход. Да, и с Дианой мы вполне сдружились. Она, конечно, далеко не подарок, бабенка корявая, но такие мне нравятся даже больше.

– Знаю, тебе наверное тут не нравится, – продолжаю я воображаемую беседу с Сандрой после паузы. – Да-да, я тоже скучаю по Дун Каррагу. Помнишь лобное место? Как мы сидели у костра, любуясь необыкновенными зимними закатами, когда алое солнце скрывалось за вершинами... Нам было холодно, но так не хотелось уходить! Кутались в одеяло, а Куль угощал нас своими странными настойками... Некоторые были вкусными, а иные – бякой. Эх, всё бы отдала за то, чтобы вернуться туда! Ты тоже, правда? Ладно, Сашенька, я пойду, наверное. Не скучай!

Поцеловав ее на прощанье в лоб, я выхожу и сразу наталкиваюсь на Гарта.

– Привет, док!

– А, это вы? – рассеяно говорит он. – Здравствуйте.

– Что скажете по поводу пациентки?

– Знаете, Лео, у меня нет слов. Или, вернее, знаний. Определенно, происходит что-то, что выше моих научных познаний. По всем признакам у Сандры была агония. Она должна была умереть, но этого не почему-то произошло... Лично я с таким не сталкивался, но, проштудировав некоторые авторитетные работы от весьма мною уважаемых ученых, пришел к выводу,

что здесь точно было вмешательство извне. Что-то такое, что пока медицине неподвластно. Вы же рассказывали, что на вас напали? Еще там, в горах? Так может быть, – начинает размышлять Гарт, – может быть, может быть... Сандра каким-то образом, допустим, проглотила вампирью кровь? Или что-то еще? И эта кровь стала, так сказать, противоядием? А это интересная мысль! Вы не замечали ничего такого, госпожа Лео?

Однако! Башка-то у лекаря работает! Вот же пронируливый тип. Был бы на дворе двадцать первый век, вышел бы отменный криминалист.

– Ну вы спросили, док! – отвечаю я. – В пылу-то битвы за собой бы углядеть! Может, и глотнула, фиг его знает. Ну я пойду, док, присматривайте за ней, лады?

– Что? Ах да, разумеется, разумеется...

Двери в местную библиотеку, если возможно так назвать пыльное захламленное помещение с разбросанными всюду книгами, открыты. Там я замечаю Куля. На секунду мелькает предательская мысль свернуть, не попадаться ему на глаза... Но нет, как бы ни было мне тяжело видеть его таким, я не могу пройти мимо.

Антон сидит в кресле, на коленях книга, глаза закрыты. Спит? Нет, не спит.

– Доброе утро, Лео, – тихо говорит он, глядя куда-то вдаль.

– Здравствуй, Антон.

Куль грустно усмехается.

– Давненько меня так не называли, – задумчиво отзывается он. – Такое впечатление, будто с тех пор прошли сотни лет...

– Ты как?

– Что тебе на это сказать? Пытаюсь осмыслить и принять то, что со мной произошло. Пока выходит скверно. Меня преследует мысль, одна-единственная.

– Какая?

– Лучше бы я умер.

– Не говори так.

– Это меланхолия, знаю. Когда-нибудь пройдет.

– Обязательно пройдет, Антон.

– А что дальше?

– Ты заживешь новой жизнью.

– Где? В нищенском приюте? В трущобах, с протянутой рукой?

Я присаживаюсь на корточки рядом с ним, сжимаю его единственную ладонь.

– Не стану врать, Антон, – говорю я. – Жизнь такая, непредсказуемая. Что угодно может случиться. Но я обещаю, пока я здесь, пока в здравом уме, что не брошу тебя.

– Зачем я тебе такой, Лео? Калека...

– Как это зачем? Будешь моим... советником, например. Ты же умный парень, вот и пригодишься. Грядут тяжелые времена, а мне позарез нужен человек с трезвой головой. Ты ведь знаешь, какая я – бедовая, правда?

Антон скупно улыбается.

– Ну вот, – улыбаюсь я в ответ. – Всё не так плохо, верно?

– Скажи, Лео, ты вспоминаешь Дастура?

– Я всех вспоминаю, Антон. И дня не проходит.

– Дастур был чудачком, недалеким, простым, как медяк. Откровенно говоря, иногда он бесил своим упрямством и тупостью. Но мне его не хватает.

– Мне тоже. Жаль, что так вышло. Зато теперь с тобой Джанни. Вы нашли себе занятие – разгребать этот хлам.

– О да! Джанкарло тут наводит порядок прямо с каким-то остервенением. Мы с ним уже много интересных вещей нашли. Книги по истории Пагорга и Форнолда, разнообразные медицинские трактаты, даже книгу об искусстве любви отыскали. Не хочешь прочесть?

– О любви? Я не против, но мне некогда, сам знаешь. Ну я пошла, Антон. Передавай привет Джанни!

– Приходи вечером, Лео, поболтаем. Дам тебе пару советов, раз уж я назначен советником. И еще, спасибо, Лео. Мне и впрямь стало легче.

– Да ладно, чего там! Мы же друзья, Антон! Обязательно заскочу!

Прибыв на тот самый вчерашний балкончик – или мостик капитана, как я его про себя называю, – опять вижу народ. И Хорац тут как тут. Правда, со встревоженной миной. Значит, сегодня представление дадут отнюдь не комедианты.

– Что такое, Гарри? – спрашиваю, подходя к нему. – Ты чего такой невеселый?

– Плохие новости, Лео, – говорит он. – Вот, послушай.

Несколько оборванных окровавленных человек обступила толпа. Замечаю и Джанкарло. А он что здесь делает? Спустя несколько секунд я получаю ответ.

Криптозоология – вот что привлекло писарчука. Давненько, должно быть, он не пополнил свой bestiary.

– Говорю вам, люди, – объясняет седой мужик в исцарапанной кирасе. – Я не сумел толком разглядеть его! Почему? Куда глядел, говорите? Да потому! Быстрая тварюга – вот почему! Толком и не поняли, что произошло, как глядь: а половина наших того... Кто без головы, кому брюхо вспорол, да так, что кишки наружу, кому бошку, кому руки оторвало... Считанные мгновения прошли, только тень и мелькала. Мы так и остолбенели. Признаюсь честно – не видал я такого никогда! Кровищи – море! Всякое было, и с упырями пришлось уже стакнуться, но тут, ребята, скажу я вам... не удивлюсь, что это сам безглазый из пекла вылез.

– Но всё-таки, уважаемый, – спрашивает Джанкарло, пытаюсь пролезть вперед, поближе к очевидцам событий, – хоть как-то можете его описать? На кого похож – на зверя ли, человека?

– Да-да! – подхватывают люди. – Надо ж знать, с кем иметь дело-то? Пора бы охоту на зверя начать! Довольно ему кровушку людскую пить, а то вон как распоясался, уже в окрестностях замка шастает, демон!

– Не знаю, не знаю, – качает головой седой воин. – Врать не буду, не разглядел. Да никто из нас не скажет, что оно такое. Что-то человеческое есть, оно, конечно, так, но детали – увы! Одно скажу – гадина здоровенная. И быстрая, как молния!

– А еще детали, уважаемый? – продолжает расспрашивать его Джанкарло.

– Какие вам еще детали нужны?

– Ну, что-то особенное – поведение, какие звуки издавал, преследовал вас, или нет, и когда он напал? Вы ведь так и не сказали, когда! Ночью, днем, на закате? А еще – может, оно чего боится?

Седой задумывается.

– Какие звуки, говоришь? Завывал он, как будто... с болью, что ли... во всяком случае, мне так показалось. Причем был так, что не по себе становилось. Мурашки по коже. А напал он вчера вечером, уже на закате. До этого мы его не видели. Только слышали этот его жалобный вой. Тогда еще подумали, может, это выпь орет, или еще какое животное. И еще одно, что мне запомнилось. Сделав свое черное дело, тварь убежала, но затем мы видели его, в отдалении – смутную тень. Оно как бы наблюдало за нами, что ли. Доведя нас так до заставы, тварь исчезла. Помнится, я еще подумал – а что оно нас не добьет? Ведь мы были, как говорится, на ладони – голы, босы, еле плелись с ранеными на спинах. Что у него на уме? Мстит за что? Вот так вот, друзья! Бестия далеко не глупа, себе на уме. Дальше думайте сами, а мы – всё. Идем зализывать раны. Расступитесь, будьте так добры!

Джанкарло пытается еще задать вопрос, но седой противится:

– Пожалейте, люди добрые! Мы и так еле на ногах стоим! Дайте пройти, у нас раненые, в конце-то концов! Имейте совесть!

– Так, люди, расступись! – распоряжается Хорац. – И скажите Гарту, пусть готовится принять новых раненых.

Я скромненько так стою в сторонке.

– Что скажешь? – облокотившись о перила, спрашивает Хорац.

– Сегодня будет обещанное собрание всех командиров, включая предводителей легендарных «летучих отрядов»?

– Обязательно будет.

– Я приглашена?

– Что за вопрос? В первую очередь.

– Ну, вот там и поговорим.

Хорац смотрит на меня.

– Я бы хотел, чтобы ты была на моей стороне.

– Против кого? Твоих же людей? Ты капитан, или кто?

Вопросы обескураживают капитана. Так и оставляю его.

– Пока, Гарри! Как соберетесь, свистни – мы с Телей явимся незамедлительно! Найдешь нас у Дубраво.

В замке имеется тронный зал, хоть и не столь величественный – по сути пустое помещение с потемневшими от времени картинами на стенах, на которых что-либо разглядеть не представляется возможности, и чрезвычайно пыльным и неплохо так поеденным молью gobеленом во всю заднюю стену. А прикольный такой аксессуарчик, думаю я, любуясь им – эдакая абстракция со всеми оттенками серого цвета с переливами в грязно-желтый, коричневый и черный.

Когда-то он являл взору окружающих эпичную битву с участием великого предка, ныне же это – здоровенная клякса. Как символично, блин!

Здесь собрались все, хоть сколько-нибудь значимые командиры славного воинства Хораца Черного, или Горацио ван Сташи, графа Торга, кому как нравится.

Сам он на троне и сидит. Вернее, в выдавшем виды кресле. На соседнем, где, по идее, должна восседать супруга, вертится дряхлый дед-пердед с воронкообразной слуховой трубкой, приставленной, конечно же, к уху.

Тут и Волк, и Пауль-Топор, Бунда, близнецы, замечаю также Леонардо. Не соврал франт, действительно верховодит наемниками, в основном из юга. С нами Геннад Бром. Огнен тоже присутствует.

Всего человек тридцать, включая нас с Тельгой.

– Что это за чучело огородное рядом с Гарри? – спрашиваю у Геннада. – Из какого склепа его вытащили?

– Это Горацио-старший. Дед капитана, отец Волка.

– Ага, понятно. У него с разумом как? Еще не отшибло?

– Вот разум как раз не отшибло, в отличие от всего остального. Или же отшибло, но только ту его часть, что была ответственна за доброту. Ты погоди, еще услышишь его. Такие сходки никогда не обходятся без участия главы рода.

– Сынок, верно, в отца пошел?

– Я бы сказал, сынку в этом плане до родителя далеко.

Ё-моё, куда я попала! Предчувствую жаркую схватку. Наверняка будет весело.

Тельга напряжена. Стоит, прямая, как палка, хмурится.

– Расслабься, подруга, – говорю ей.

– Ага, расслабишься тут, – цедит она сквозь зубы. – Ты-то вознамерилась молчать, меня подрядила отвечать за тебя.

– Ничего не поделаешь, Теля, – отвечаю я, похлопав ее по спине. – У тебя хорошо получается, ты прямо лед. Будешь охлаждать горячие головы. А я начну беситься, ярится. Нет, уж

лучше помолчу. Буду встречать точно, так что не волнуйся, не брошу тебя на съедение этим ушлепкам.

Геннад усмехается.

– Давайте поговорим спокойно, – подает голос Хорац, опутив обычное приветствие. Видно многих раздражает добавление слова «сестры» к обычному здесь обращению.

– Что ты говоришь, дурень? – скрипит дед. – О каких покойниках ты говоришь?

Хорац морщится.

– Волк, ты знаешь, как он мне надоел! Раз за разом притаскиваешь сюда! Уже все смеются!

– Кому тут весело? – интересуется дед, вертя своей слуховой трубкой туда-сюда. – Кто какое веселье тут узрел?

– Он глава рода, племяш.

– Номинально. А реально – почти покойник. Я – настоящий глава рода. И я хочу, чтобы он меня не перебивал. Успокой его, Волк – это приказ.

– Хорошо, – сухо отвечает Волк.

Но у Волка не получается уговорить деда. Мало того, «глава рода» раздражается дикой бранью:

– Мал ты еще указывать мне, что делать, говнюк! – орет Горацио-старший, пуская обильные слюни. – Ты посмотри на себя – пузо отъел, выглядишь, как баба на сносях! И вообще, вы тут все недоумки, придурки, соплежуи. Тьфу на вас, дурни проклятые! Только в носу ковыряться и можете! Олухи, ротозеи и серуны, а не солдаты! Только дерьмо чистить и способны! Да я вам покажу, где раки зимуют, я вам покажу, что значит...

Хорац не выдерживает, выдергивает из кресла своего дедушку, хватая его в охапку и выносит прочь. Слуховая трубка падает, дед верещит, стуча костлявыми руками по спине внука.

Спустя минут пять капитан возвращается, садится на место.

– Еще раз увижу его здесь, Волк, убью. Собственными руками. Уяснил?

– Кого? Меня? Или родного деда? – холодно интересуется Волк.

Но ответить Хорац не успевает, ибо вмешивается Бунда Горелый.

– И долго нам еще наблюдать сей срам? Вы когда перестанете собачиться промеж собой, а? Мы зачем здесь собрались? Выслушивать ваши склоки? А может, вы тут же начнете любиться со своими шлюхами, которых сюда притащили? – Бунда начинает передразнивать капитана: – Вот, братья, посмотрите – это моя возлюбленная, моя женщина, моя любовь... Тьфу! Как был гадюшник, так и остался! Да нас всех аж тошнит от вас...

– За себя говори, любезнейший, – подает голос Леонардо. – Нас – вольных стрелков – тошнит скорее от тебя! И впредь предупреждаю – услышу хоть одно оскорбительное слово в адрес присутствующих тут дам...

– Опа, вот и черные черти повылезли! И какого хрена ты этих дьяволов сюда пригласил, а, капитан? Вот скажи мне на милость, зачем? Мало нам твоих так называемых «сестер», так и еще эти блудовы псы тут лаять начинают. Ну давай, ублюдок черный, давай, иди сюда! Посмотрим кто кого!..

Мы так и стоим в сторонке, наблюдаем, слушаем. Совещание, на котором, по идее, должны обсуждаться вопросы, связанные со сложившейся в Пагорге ситуацией, быстро перерастает в противостояние всех против всех. Вся эта чушня, за исключением не имевших веса командиров «летучек» и нас с Телей, в течение часа занимается пустой брехней, перемежающейся с обидами, угрозами и оскорблениями.

Положение настолько удручающее, что у меня укореняется мысль поскорее уехать из этого осинового гнезда. С такими «офицерами» не то что против вампиров сражаться, только клоаку чистить, и то вряд ли получится.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не уйти, хлопнув дверью. Стойко дожидаясь окончания перепалки, толкаю Тельгу в бок.

– Начинай, похоже, выдохлись петушки.

– Точно?

– Точно. Вон, погляди, даже Бунда устал, пот так и течет. Умаялся препираться с «братьями», толстячок.

Действительно, у всех боссов такой озлобленный вид, что я удивляюсь, почему они до сих пор здесь присутствуют. Тут вариантов два – либо их связывают некие обязательства, либо им просто некуда идти, что вероятнее всего.

Тельга поднимает руку.

– Могу я сказать пару слов?

– Конечно, Тельга, мы слушаем, – разрешает Хорац.

Бунда ожидаемо фыркает, но молчит, братья улыбаются, думая о чем-то своем, Леонардо шлет нам воздушный поцелуй, Пауль-Топор натягивает на себя свою фирменную отстраненную ухмылку, а вот прочие готовы слушать. Посмотрев на собравшихся, понимаю, что в отличие от верхов, низы нас уважают.

Народ за нами, красотками, и это главное!

– Я просто перечислю факты, – начинает Тельга. – Итак, весь Пагорг подчинил себе князь Эгельберт. Нет нужды говорить, во что он превратился. Горио еще держится; владения графа Теоду, между прочим, последнего, если не считать нас, людского оплота, разорены; союзники – это, как вам известно, крупный рыцарский отряд под командованием герцога Димитрио Бас-Олежковского из Вууденроха, – бросил нас на произвол судьбы, благодаря чему и вышло то, что вышло. Долго Горио не продержится, а когда он падет, ничто не помешает начать экспансию в ваши, уважаемый граф Торга, владения. Хотя, врага и так уже много здесь, чему подтверждение недавняя гибель отряда Друнки.

Тельга ненадолго переводит дух. С удовольствием отмечаю, что ее невозмутимый тон, непроницаемое выражение лица и горделивая осанка делают свое дело. Да она самая настоящая царица! Непрístupная и величественная! Гляжу на нее и с трудом верю, что это, в общем-то, бывшая, вроде как, падшая женщина. Аж боязно. Вот умеют некоторые люди одним своим видом внушить страх и Тельга – из их числа. Даже боссы внимают ей. Нет, определенно тактика с выжиданием, когда ребятки устанут друг дружку поносить, приносит плоды. Настал черед баб рубить правду-матку!

– Не снижай напора, подруга, у тебя круто получается! – шепчу ей.

И Тельга не снижает:

– Плюс ко всему, сегодня утром пришло еще одно печальное известие – неподалеку шастает зверь. Блуд Воскресший. Спросите пострадавших – они вам расскажут. Итог – меньше чем за неделю число погибших уже приближается к сотне. И это – выделю особо! – без активных боевых действий. В которых нам так и так придется участвовать. Господин граф, вы знаете, что с нами был человек Теоду. Один из его приближенных – рыцарь Хелиг Трай. Перед тем, как расстаться, он призвал вас – именно вас, Горацио, – прийти на помощь оказавшемуся в беде Горио.

– Я помню об этом, Тельга, – хмуро отвечает Хорац.

– Хорошо, что помните. А теперь о том, что мы здесь увидели, и какие сделали выводы. Заранее просим прощения, ибо наши с Лео слова могут показаться обидными, но всё, сказанное ниже, опять же, основано на фактах. Итак, гибель отряда Друнки ярко продемонстрировала несостоятельность «летучих отрядов». Часто во главе их находятся люди, далекие от военного дела, дисциплина там отсутствует напрочь, боевые качества, сила, мощь и прочее... об этом даже говорить не приходится – ничего этого нет и в помине. Мы видели таких бойцов в замке – они ничем не заняты, предоставлены самим себе, занимаются пьянством, шатаются,

где придется, воруют, дерутся, спят где попало, извините, блюют, гадят и прочее. И главное – их много. И тут тоже за порядком никто не следит, нет единого закона, которому будут подчинены все. Нарушителей карают на свое усмотрение. Виновен – в петлю, ваши слова, уважаемый Леонардо? Суда нет, что, по нашему мнению, является признаком дикарей. Вот и вешают кого попало. Выгляните в окно, и вы увидите кучу повешенных – они гниют, распространяя заразу. В замке теснота, людям некуда деваться, никто не думает убирать мусор – а ведь чем больше людей, тем больше мусора. Золотари не успевают вываливать всё это добро, замок захламлен, в изобилии расплодились крысы, насекомые. Лазарет уже почти переполнен ранеными, а также, что еще хуже, больными чесоткой, паразитами, недержаниями. Сколько потребуется времени, чтобы тут вспыхнула черная оспа или же чума? Сколько времени потребуется, чтобы здесь начался голод? Думаете, это невозможно? А теперь взгляните на то, где стоит замок. Правильно, на скале. Вокруг – пропасть и один мост, соединяющий нас с большой землей. Замок неприступен и в этом его слабость. Почему? Я вам объясню. Как только падет Горио, вампиры князя двинут сюда, с легкостью разобьют разрозненные, не имеющие никакой связи друг с другом, плохо обученные отряды, рассеянные по окрестностям, окружают замок и просто уморят нас всех голодом. Разрушат мост и всё – можно уходить.

В тронной воцаряется поистине мертвая тишина. Ну Тельга! Задала ты им жару!

– Подводя итог, – приступает она к заключительной части речи, – я спрошу вас, господа – что мы можем сделать? И как скоро нам наступит конец, если среди командования, как мы видим, нет единства? Нет даже намек на единство. Ваше совещание – позор, господа. Так ли себя ведут воины, мужчины с честью и мужеством, готовые постоять за свой край? Вы говорите, господин Бунда, что мы – шлюхи. Что мы оскорбляем своим присутствием вас. Что не бабье это дело лезть в типично мужские дела. Пусть так. Мы не станем вас переубеждать. Однако именно мы выжили в битве с многократно превосходящими нас по численности упырями. Выжили и пришли, чтобы объединиться с вами в неравной борьбе с врагом. Ведь это не просто война, господа! Это – бойня, лютая бойня и мы, наш маленький отряд, первыми приняли бой, нам первым открылся весь ужас того, что вам еще предстоит. Мы видели то, что вам и не снилось. Вариант только один – либо мы, либо они. Кто-то из нас должен полностью исчезнуть с лица земли. Подумайте, с кем вы – с нами, шлюхами, как вы утверждаете, или с кровососами, что видят в вас лишь добычу для ужина. У меня всё.

Я хлопаю Тельгу по плечу.

– Молодчина! – шепчу ей. – Ты их уделала! А теперь посмотрим на их реакцию.

Реакция следует незамедлительно.

Глава 5. Эмоции, оскорбления, обиды

– Браво! – захлопав в ладони, восклицает Леонардо. – Брависсимо! Чертовски сильная речь, и я, чтоб мне провалиться в преисподнюю, поддерживаю всё сказанное от и до! И вообще, к чему юлить! Скажу прямо, как есть – мои люди в твоём распоряжении, Лео! Хватит нам этого дерьма! С этого мгновения за нас будут говорить наши пистолы, бомбарды и мечи! Соберемся и дадим отпор этим кровососам! За мою тезку Лео и ее верную подругу Тельгу, друзья!

Но поднявшийся было клич за нас, ненаглядных, быстро тонет среди громогласного хохота Бунды, которому вторят проклятья Хораца, вконец вышедшего из себя из-за творящегося бедлама, и его дяди, который вообще непонятно что хочет. К этому можно прибавить Михаэля, скептически покачивающего головой, и нерешительность близнецов. Эти якобы лихие братья в растерянности, не зная, к кому примкнуть. Понимаю их – до сих пор ганза являлась для них чем-то сродни развлечению, а тут на тебе – лютая бойня, болезни, голод и всё такое.

С новой силой поднимается перепалка, и заводилой тут опять выступает Горелый. Слышу следующий упрек, который активно продвигает именно Бунда:

– Да кому вы верите? Каким-то безвестным бабам! Нагнали тут жути! Бойня, видите ли! А ведь как известно, именно ваша ненаглядная Лео разнесла дворец Робаша к чертовой матери, именно Лео бомбанула логовище Блуда, именно из-за ее безглазых выкрутасов с магией и прочими штучками у нас тут шастает зверь! Раскройте глаза! Вот она – виновница наших бед!

И знаете что? Народ начинает верить и скоро от воодушевления после проникновенной речи Тельги мало что остается.

Пора бы и мне сказать слово. Но для начала я должна проучить этого козла Бунду. Ох и достал же меня! Применить, как сказал бы Джанкарло, *argumentum bastinandi*^[1].

Бунда, кстати сказать, уже готов драться с Леонардо. На рапирах.

– Дуэль! – активно размахивая руками, кричит Леонардо. Как истый южанин, этот наемник, как правило, сопровождает свою эмоциональную речь жестикующей. – Я требую дуэль! Вы свидетель, граф – этот наглец смеет оскорблять не только дам, но и нас с вами! Я требую дуэль! На рапирах! Сейчас же! Слышите вы, сеньор? Готовьтесь к смерти, ибо я проткну вас, как лягушку!

Толкаются, натурально как петухи. Сколько бы ни продолжался этот бедлам, только демонстрация силы способна потушить пожар бессмысленных склок.

С таким контингентом только так, по-иному они не разумеют.

Ни слова не говоря, подхожу к Бунде, продолжающему самозабвенно орать, разворачиваю к себе и с одного удара отправляю в нокаут. Каким бы ни был горластым этот сукин сын, падает он столь же громко. Башкой стучается о пол с размахом – точно будет сотрясение.

А далее начинается веселье. У Бунды отыскиваются сторонники, среди которых, к моему удивлению, сам Волк. Со мной – Леонардо и, разумеется, Тельга. Вместе мы быстро разбираемся со всеми. А наемник ничего так машет кулаками! Со знанием дела!

Поверженные уползают со стонами и гримасами боли. В качестве завершающего штриха я втаскиваю по пухлой пачке дядюшки капитана сапожком, нанося ему, да и не только ему, всему роду ван Сташи несмываемое оскорбление. Если, конечно, для них что-то значат такие слова как честь и достоинство.

Получается полноразмерный хай-кик ^[2]. Обожаю вертушки.

Стоим с Тельгой и тезкой в стойке. Я буквально пылаю от бешенства.

– Ну, кто еще тут скажет, что мы шлюхи? – рычу я. – А? Ты, Миха-Топор? Выходи, побьемся! Покажи, на что способен, доходяга!

Михаэль Пауль-Топор с плохо скрываемой усмешкой поднимает руки вверх.

– Может вы, братцы-кролики? – Близнецы опускают глаза и отступают на шаг. – Ну что, хотите пощупать меня? Или Телю, например? Ну давайте, я ведь видела, как вы пилились на нас! Что, тоже трусили? Ладно, кто еще желает поорать?

Хорац боком подбирается ко мне, тянет руки, словно собирается схватить ядовитую змею. Перешагивает находящихся в отключке Бунду с Волком.

– Лео, прекрати буяннить! – уговаривает меня он. – Успокаиваемся, Лео, всё хорошо!

Капитан пытается меня обнять, но я отталкиваю его, беру за шкибот Бунду, с пары крепких оплеух привожу его в сознание, и выпаливаю ему в харю:

– По твоему, псина, я виновата в ваших бедах? Разве я развела торговлю ребисом? Это я наплодила тут алхимиков, магов и прочих шарлатанов? Я виновата во вспышке первой песты четыре года назад? Это я бездумно потворствовала диким экспериментам с очень и очень опасной субстанцией с одной лишь целью наживы? Это я-то напоила князя с его прихлебателями амброзией? Что молчишь, урод? Ну говори! Чего глазами хлопаешь? Нечего сказать?

Бунда что-то мычит. Из носа вытекает кровь. Хорац оттаскивает меня.

– Всё, Лео, прекрати. Прекрати, ради всех святых!

Меня вдруг начинают бесить его прикосновения.

– Да иди ты в жопу, Гарри! – кричу я. – Может, тебе тоже влепить? И что ты за капитан такой, скажи на милость? Что за бордель ты тут развел? Не трогай меня, или я за себя не ручаюсь!

Хорац отходит. Заметно, что испуган. Так вас – бойтесь!

Тишина. И два пузана на земле. М-да, последствия точно будут незавидные. Боюсь, после такого тут начнется поножовщина. И тут у меня возникает мысль, как направить их пыл в нужное русло. Вот уж точно – хорошая мысль приходит опосля. Поправляю куртку, приглаживаю растрепавшиеся волосы, выпрямляюсь.

– Так, народ, побесились, и хватит, – говорю я чуть тише. – Слушаем меня внимательно. Вы сейчас приводите в чувство этих вот товарищей. А также, не забудьте им напомнить, что если они опять дадут волю своим луженым глоткам, экзекуция повторится. И не надо зыркать на меня, мы вас не боимся. Хоть всё воинство против нас выставляйте. Как очухаются эти пузанчики, я скажу вам, что мы будем делать дальше.

– Превосходно, Лео, белиссимо! – шепчет мне в ухо Леонардо. – Ты просто огонь! Мы, вольные стрелки, всей душой с тобой!

– А ты не подлизывайся!

– Молчу, Лео, молчу!

Минут десять уходит на то, чтобы оба смутьяна, наконец, вернулись в действительность. Вся их боевитость испарилась, уступив место угрюмой ненависти. Встали подальше от меня, поглядывают исподлобья. Вот и хорошо.

– Итак, братки, вот мое предложение. Чтобы понапрасну не тратить время на выяснение, у кого тут яйца круче, предлагаю показать свою доблесть в бою.

С удовлетворением отмечаю мигом возросший интерес.

– По существу: тот из нас, кто добудет голову зверя, станет реальным капитаном нашей ганзы. Или армии – мне по нутру такое словечко, а не ваша эта дурацкая феня. Участвуют все – бабы, мужики, неважно. Кому смелости достанет. Кто принесет голову Блуда Восхваленного, тот и будет диктовать условия. Слышите вы, пузатики? Победите – хоть плетью нас бейте, дело ваше. Мы примем нашу участь со всем смирением. И в петлю залезем без раздумий. Условия следующие: никакого мухлежа, всё честь по чести – это раз; можете идти хоть вместе, хоть порознь, но если есть командир, то его слово – закон, это два. Дисциплина – вот что главное! А с этим у вас, прямо скажем, дела неважные. – Подумав, добавляю еще одно условие, которое, как будет видно чуть дальше, выйдет мне боком: – и третье, последнее. Каждый боец, обладающий

каким-никаким весом, – авторитетный боец, спец какой, – может требовать что-то свое перед тем, как вступить в команду. Если команда принимает бойца, то должна удовлетворить его просьбу. Типа договор, вкуряете, мужички? Так будет справедливо, ведь придется рисковать своей шкурой за чей-то интерес. Как-то так. Это игра со смертью, ребятушки, – выживут не все. Ну, что скажете?

– Охота на зверя! – восхищенно говорит Леонардо. – О-ляля, вот это действительно игра так игра! По рукам! Ты необыкновенная женщина, Лео! Мы – с тобой! Безо всяких там условий!

Он выходит в центр зала и протягивает ладонь. Кладу свою сверху. Поколебавшись, подходит Бунда, сплевывает в сторону кровью и накрывает мою ладошку своими пальцами-колбасками.

– Я выиграю, сука ты мерзкая! – рычит он мне в лицо. – Плохо ты меня знаешь, если полагаешь, что я только орать и способен. Выиграю! Вот тогда и выпотрошу тебя, зуб даю! Буду вытаскивать из тебя кишки медленно, чтобы продлить твою агонию, мразь!

– Буду ждать с нетерпением, дружок.

Далее присоединяются чуть ли не все – вырастает целая гора рук. Только Волк остается в сторонке. Ну и хер с тобой, бука!

– Гарри, разбивай! – прошу я капитана, и он символически разбивает сцепку.

– Решено! – говорит он. – А теперь вопрос: ты возьмешь меня в свою команду, Лео?

– Я не против, – бездумно соглашаюсь я.

– Тогда я официально объявляю, что присоединяюсь к тебе, Лео. И еще, в рамках третьего условия выдвигаю требование: если мы выиграем в этом состязании, ты станешь полноценной капитаншей – это ясно и так. Но также – моей женой. Все согласны?

У меня, наверное, так вытягивается лицо, что Тельга еле сдерживается от смеха.

– Чего? – растерянно спрашиваю я. – Твоей женой?

Хорац подходит ко мне вплотную, заглядывает в глаза.

– Ты сама этого захотела, так что прости. Если мы победим, ты станешь графиней Торга. Блин, вот кто меня дергал за язык?

– Ну кто меня дергал за язык? – сокрушаюсь я, обхватив голову руками. – Нет, ну за каким я ляпнула такое? Ведь даже звучит как-то по-идиотски: боец может потребовать что-то свое. Ну и дура я, дура! И ты, Теля, хороша! Почему меня не отдернула? Сказала бы – хватит молоть чепуху!

Собрались вечером у Дубраво. Все – Тельга, Козья, Диана, Пегий, Антон (буду теперь называть его только так, Куль уходит в прошлое), Джанкарло и даже Васальга с Чошем. Похоже, помирились. Ну, хоть одно хорошее известие.

Также присутствуют Геннад с Леонардо. Наемник периодически косится на Джанкарло и морщится, пытаясь вспомнить, где его видел; писарчук, в свою очередь, старается не глядеть в его сторону – вспомнил. И это ему не доставляет удовольствия – вон как ерзает.

Это члены моей обновленной команды почти в полном составе. Кроме Сандры. И Хораца, но он пытается утихомирить пышущего гневом дядю. И деда наверное, тоже. Если только Горацио-старшего не засунули обратно в тот древний рундук, откуда его, встряхнув от пыли, вытащили на свет божий.

Ну и пусть со своими разбирается, фиг с ним.

Народу много – пришлось столы сдвинуть, чтобы уместиться.

Тельга пожимает плечами.

– Ты у нас командир, – невозмутимо возражает она. – И потом, условие как условие. Надо же как-то вербовать бойцов на гиблое, в общем-то, дело. А дело, я полагаю, очень даже гиблое. Эта тварь будет посильнее всех предыдущих. На порядок сильнее.

– Ага, сильнее, – обреченно изрекаю я. – Ничего так перспектива – либо смерть, либо под венец. Замечательно, блин!

– Не понимаю, чего ты сокрушаешься? – спрашивает Пегий, цедя пиво. – Отдубасить кучу народу, нанести оскорбление знатному человеку, и в довершение получить предложение руки и сердца от близкого родственника оскорбленной, прошу заметить, стороны. Причем такое, от которого уже не отвертеться никак. Да такие финты только в сказках и бывают!

– Полностью согласна! – кивает Диана. – Ты станешь графиней, Лео. Важной особой. Радоваться надо после такого-то расклада, да еще и с избиениями. А то что врезала Бунде по роже – так это хорошо. Одобряю. Но он тебе этого не простит, так что надо побеждать, иного выхода нет.

– И мы обязательно победим, чем и посраим этого негодяя Бунду! – подняв кружку с пивом, воодушевленно говорит Леонардо. – Вижу, что я сделал правильный выбор! За победу, друзья!

– Вы погодили бы короновать нашу Лео, – резонно говорит Антон. – Сначала надо выиграть состязание. Вот послушайте Джанкарло, у него по этому поводу есть что сказать.

– Валяй, Джанни, – расстроено говорю я. – Что за бестия нас ждет?

Джанкарло вытирает полотенчиком губы, откашливается и начинает:

– Итак, всё это время, пока мы здесь...

– Погоди, погоди, брат! – перебивает его Леонардо. – Скажи, мы знакомы?

– Нет, – согнувшись в три погибели, бурчит писарчук. – Нет, мы не знакомы.

– Нет, нет, я точно тебя где-то видел... Постой, а ты часом не из Казале? Точно, ты из Казале! Подожди, подожди... так ты же Джанкарло, сынок старика Руиса! Я угадал? О-ляля! Ты – Карлитто, сын Руиса-скорняка! Того самого безумца Руиса, который постоянно с невидимыми людьми разговаривал. Точно! А память меня еще не подводит! Друзья, ведь старина Карлитто мой, можно сказать, друг детства! Вот так встреча, брат! Дай я тебя обниму, брат! Ты не представляешь, как я рад видеть земляка!

Леонадро перебирается к писарчуку, хватая его в охапку и даже целует в щеку.

– Друг детства, друзья, видите? – «Друг детства» сидит с самым несчастным выражением лица. – Помнишь, как мы купались в нашем озере, а, Карлитто? Нам было-то лет... не помню сколько. Сопляками были! Юнцами – кровь вскипала! Там еще были голые девицы! И мы давай подглядывать за ними! И больше всех на них засматривался ты, Карлитто, да-да, ты! Так увлекся, что забыл про всё, знай дергал свой каццо пикколо ^[3]! А мы с Ветулой и Робиньо воспользовались этим, стащили твою одежду и были таковы! Ха-ха-ха! Вот умора, друзья! Пришлось Карлитто возвращаться домой в чем мать родила! А еще, Карлитто, помнишь, как мы окунули тебя в канаву с нечистотами? Ты вылез оттуда, а мы тут как тут – бац и высыпали на тебя мешок с гусиным пухом! Мы еще хотели тебе в задницу страусиное перо воткнуть, но ты улепетывал от нас так, что мы сразу поняли – тебя не догнать!

Леонардо буквально заходится смехом. Сидим, терпеливо ждем, когда он стихнет.

– Нет, вы послушайте, друзья, – сквозь ржач и слезы говорит наемник, – послушайте еще байку – вы помрете со смеха! Как-то раз...

Я ударяю кулаком по столу.

– Молчать! – рявкаю так, что Леонардо подпрыгивает от испуга. – Умолкни, наконец! И пересядь на прежнее место! И сиди тихо! Чтобы ни звука из твоего чересчур болтливой рта не вылетало! И оставь в покое Джанни!

– Да я просто вспоминал наше с Карлитто счастливое детство... Ничего такого... Увидел земляка, на ностальгию пробило... не надо так ругаться, Лео!

– Заткнись, я сказала!

– Всё, всё, Лео, молчу...

– Продолжай, Джанни.

Писарчук открывает было рот, но я сразу выбиваю почву у него из под ног:

– Только без твоих проклятых латинизмов... то есть этих... ромеизмов? Ромулизмов? Как там правильно? А, неважно! Короче, говори просто! Простыми, бляха-муха, словами!

– Но, ваша светлость...

– Ваша светлость, ха! – восклицает Леонардо, хлопнув по столу. – Браво, Карлито! Нет, вы только послушайте – ваша светлость! Карлито, как всегда, в своем репертуаре! Ты всегда мастерски выслуживался перед господами! Он тебя, Лео, случайно не называл «величественной владычицей» или «благороднейшей королевой»?

– Я что тебе сказала? – чувствуя, как во мне закипает злость, спрашиваю я.

– Ой! – спохватывается Леонардо. – Забыл. Прости, Лео, я всё – рот на замок! Даю слово – могила!

– Продолжай, Джанни.

Писарчук мнетя, дергается, чешется, и с трудом выдавливая из себя:

– Ваша светлость! Как же я могу без принятой в научном сообществе терминологии максимально достоверно описать...

– Уж как-нибудь постарайся, – перебиваю его, а зря, оказывается.

– Нет, я так не могу, – отвечает Джанкарло и губы его начинают дрожать. – С одной стороны мне... мне... мне ставят, простите, ваша светлость, какие-то глупые ограничения... не говори то, не говори это... С другой, – с этими словами писарчук нервно вскакивает, сдергивает с шеи полотенце и швыряет его на стол, – с другой стороны меня смеют оскорблять какие-то мошенники и негодяи! Еще раз извиняюсь, ваша светлость, но я так не могу!

И он уходит.

Ну ни фигя себе номер! В первый раз вижу Джанкарло таким. Мне аж стыдно стало. В следующее мгновение мы все переводим взгляд на Леонардо.

– Э... – сконфуженно отзывается он. – Так я же ничего такого не имел... Да бросьте, друзья! Ведь мы же были детьми! Сами понимаете – так, мелюзга! В голове одни шутейки и проказы! Я и не думал, что... Так, я понял. А ну-ка, пропустите меня, друзья! Я догоню его и всё исправлю. Попрошу прощения! Если надо – на колени упаду! Слово чести – Леонардо всё исправит!

Наемник убегает вслед за писарчуком.

– Охо-хо! – вздыхает Козья. – Что творится, что творится-то! А, выпью-ка ишо пивца! Потому-что пивцо чудо как хорошо! Наливай, лось! Давай с тобой за правнучка! А ну-ка внученька любимая моя! Хватит киснуть, присоединяйся! О, ты глянь-ка на нее, лось, – всё обижается. А что на меня, дурную бабу, обижаться-то? Ну и ладно! А я выпью.

На некоторое время повисает тишина.

– Ладно, раз уж Джанкарло не может, – говорит Антон, – тогда скажу я. По простому, как ты хотела. Без принятой в научном сообществе терминологии. А по-простому будет так: мы покойники.

[1] argumentum bastinandi (лат.) – палочный довод.

[2] Хай-кик (от англ. high-kick – высокий удар) – боковой (круговой) удар ногой в голову, шею или область груди.

[3] Cazzo (италь., неценз.) – половой орган, piccolo (италь.) – маленький.

Глава 6. Страшно не будет

Да уж, проще некуда. Итак, по пунктам, только то, с чем согласны почти все, кто так или иначе сталкивался с невидьё:

первое, зверь не один, он как бы предводительствует сворой вурдов из каменоломен – жутких существ;

второе, зверь появляется абсолютно случайно, причем в один день его видят чуть ли не в противоположных местах; в то же время многие сходятся на том, что круг сужается – всё чаще монстр бывает у замка (чувствует, ищет кого-то? может, свою обожаемую Бету, аватаром коей является ваша покорная слуга?);

третье, никто толком не разглядел зверя, или разглядел, но воображение сыграло злую шутку, так что тут спекулировать не станем, но он точно здоровенный и быстрый гуманоид;

четвертое, как правило перед атакой зверь издает специфический тоскливый вой; кто слышал, говорят – душа в пятки;

и, наконец, пятое – зверь убивает не всех, а после нападения как бы ждет, когда выжившие уйдут, чтобы потом «покопоситься» среди трупов.

Последний пункт неоспорим, только детали разнятся. Кто утверждает, что тварь жрет их, а кто клянется, что он их вроде как... рассматривает. И так крутит и сак. Точно ищет что-то и кого-то (смотрите пункт второй). И словно плачет. Кое-кто так и называет его: «Плачущий дьявол».

– Офонареть! – подытоживаю я услышанное. – Согласна, эта боссера на порядок выше всяких там чертей из Волчьей Глотки. Эх! Опять я кашу заварила, так, ребята?

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Геннад.

– Я имею в виду – наломала дров.

– Не понимаю.

– Это значит, что Лео подкинула нам проблему, балда! – разъясняет ему Диана. – Решить которую будет непросто.

– Так это не она подкинула, – возражает Геннад. – По любому пришлось бы отлавливать гадину. Так уж лучше сделать это организованно. Наоборот, я поблагодарил бы Лео. А то так и грызлись бы, пока не поубивали друг дружку.

– Хм... если так посмотреть... – задумывается Диана. – То и в этом что-то есть.

– Надо готовиться, – говорит Тельга. – Прямо с утра, пораньше. Помимо стрелков Леонардо, кто еще участвует?

– Я иду, – отзывается Геннад. – А больше-то я ничего и не умею, только воевать. А с тобой, Лео, есть шанс остаться живым.

– Так уж и быть, я тоже в деле, – говорит Диана. – Если честно, мне этот замок уже осточертел. Пора бы и развлечься, правда... как тебя там? Пегий? Матушка, ты как его называешь, этого мозгляка?

– Этого что ли? – отзывается уже порядком ослотившаяся Козья. – Ворюга, ханыжка! Как-то так... ты смотри, поосторожней с ним. А то у него, говорят, шишка-то о-го-го какая! Как у Акведука. Лео своими глазами видала. А как нашей голубке не верить?

– У меня имя есть! – возмущается Пегий.

– Пегий – не имя, – заявляет Диана.

Противный осекается на полуслове.

– Точно, – встряхиваюсь я. – Ну-ка, признавайся, как тебя зовут?

– Это тайна. Не могу сказать.

– Почему? – хором спрашиваем мы.

– Не могу сказать и всё. И кстати, я тоже иду.

– Куда?

– На зверя.

– Да как же мы без тебя, противный! – развязно говорю я, подперев рукой щеку. Видно, тоже перебрала. Ну и ладно. У меня горе. Меня замуж позвали. – Конечно с нами. А еще у нашей маленькой команды появился новый тренд, так сказать. У нас теперь имена, а не клички. Видишь, вот Куль стал Антоном, как мило... Знала я одного Антона... Только тот нашему и подметки не годится. А так как ты, Пегий, не хочешь раскрывать свое истинное имя, то я сама его тебе дам. Так, дайте подумать... Алеша! Нет, не то... Ну какой из тебя Алеша? Егор? Егорка, Егорушка... Тоже не то. Может, Глеб? Глеб, хлеб... фигня. О! Придумала! Будешь Борькой! Ты – Борис, Пегий, запомни!

Вот точно у меня имеются сверхъестественные способности! В смысле колдовские, а не суперские. Не в первый раз я каким-то чудом попадаю в цель, ибо Пегий бледнеет, а когда он бледнеет, то становится еще страшнее чем есть.

– Я, наверное, пойду, – говорит он. – Спокойной ночи.

Мы провожаем его ошеломленными взглядами.

– Ба! – выдыхаю я. – Что это было, черт возьми? Я что, угадала?

– Кажись, так, – растерянно говорит Чош.

– Кстати, Чехонте, – спрашиваю я. – Раз уж зашел такой разговор, ты как? Готов побиться с лютым зверем? Силушку богатырскую испытать?

Ко всеобщему удивлению Чош отрицательно качает головой. Обнимает Васальгу, целует ее и говорит:

– Нет, Лео, на этот раз без меня. Ты же видишь – мы ждем прибавления в семействе. Я и так долгое время вел себя дураком, пора бы уж и за ум взяться. У нас кузница, а раз на дворе война, то и работы предстоит невпроворот. А у Васы уже живот округляется, скоро она вряд ли сможет молот держать. Придется мне. Я ведь когда-то был подмастерьем у кузнеца, представляешь? Вспоминаю уроки, уже и кое-что получается. Да и потом, старое ранение дает о себе знать – нога побаливает, тянет. Мы с моей девочкой больше пользы принесем у наковальни. Хм... тоже своего рода сражение, если подумать. Верно я говорю, Васа?

Васальга скромно соглашается, а Козья, глядя на них, начинает лить крокодильи слезы.

– Совет да любовь! – размазывая слезы по щекам и хлюпая носом, причитает старая. – Ляпота-то какая! Ребята, вы знаете как я вас люблю? Так, люблю, так люблю!.. Ребята, милые мои, дайте я вас почеломкаю! Да взасос, шшоб меня!

– Ой, да хватит тебе! Сиди! – отдергивает ее Диана.

– Чего ты? Я вроде как внученьку с лосем поздравить хотела...

– А реवेशь так, будто на погост провожаешь.

– Ужо и слезу пустить нельзя!

– Помолчи, Козья, пожалуйста! – прошу ее и говорю Чошу: – полностью поддерживаю твое решение. Ты правильно делаешь – это поступок настоящего мужчины. Удачи тебе в твоей новой жизни и в новом деле. Мы славно сражались вместе! И в мирном деле тоже преуспеем. Поработаем как-нибудь!

– Эх, Лео! – вздыхает Чош. – Уже тоскую по тем денькам! Особенно по первой нашей схватке... Никогда мне этого не забыть. Ты перевернула мою жизнь вверх тормашками! Не будь тебя, уже гнил бы где-нибудь в канаве с простреленной башкой. И это... раз уж такое дело... С утречка заглядывайте к нам, у нас есть кое-какое оружице специально для вас, друзья. Снабдим, подготовим.

– Непременно, Чехонте.

Тельга хлопает в ладони, призывая к вниманию.

– Порешили, – говорит она. – Подведем итог: участвуют – я, Лео, стрелки Леонардо, кажется, их человек пятнадцать, Диана, Геннад, э... Борис? Я могу так его называть? Он не рассердится?

– Думаю, не рассердится, – говорю я. – Отойдет, не бойся.

– Хорошо. Так, кто еще? А, капитан. Он один будет, Геннад?

– Из его людей только я. Может, еще Огнен присоединится, но не уверен. Поговорю с ним.

– Понятно. Так, вроде все. Вместе с Огнем будет двадцать два человека.

– А я? – вмешивается Козья. – А про меня-то вы забыли что ль?

– Ты-то нахрена там нужна? – спрашиваю я.

– Как это нахрена? Сражаться!

– С ума сошла?

– Нисколечко. Я могу.

– Что ты можешь?

– Мечом махать.

– Я видела, как ты машешь.

– Тама, у Рыбарки, промашка вышла, признаю.

– Так, матушка, – не терпящим возражений тоном говорит Диана, – ты остаешься. Никаких но! А кто за Адой присматривать будет в отсутствии отца?

– Опять мне с этой соплячкой возиться?

– Это, если ты помнишь, приказ капитана.

– Гадство!

– Ничего не поделаешь.

– Не огорчайся, баба Козья, мы тебя не бросим, – говорит Чош. – Будешь помогать нам в кузне. А там скоро и правнучек будет. Как он без тебя, если ты падешь на поле битвы геройской смертью? К тому же и Антон тут, и Джанкарло – приятная компания, разве нет?

– Вот-вот, – охотно поддерживает здоровяка Диана, – послушай его, матушка, и угомонись!

– Чего? – возмущается Козья. – Сдался мне этот ваш... каца пукало, или как там его. Пушай идет свои книжки читать, а я бабка боевая, мне эти штучки, знаете ли, поперек горла!..

Уже затемно я в наглуую вваливаюсь в спальню к Хорацу. Бухая я, черт меня возьми! Вот говорила же себе – ни-ни! Но разве тут устоишь? Сколько стресса на мою юную головушку! И мужиков колошматить надо, и от монстров мир спасать надо...

А Хорац снова, как и тогда, в Элме, расхаживает туда-сюда, что-то гневно выговаривает воображаемому собеседнику. Увидев меня, он замирает на секунду, хмурится и садится в кресло.

– Не рад меня видеть, муженек? – спрашиваю я, прислонившись к дверному косяку.

– Ты пьяна.

– И что? Запрещаешь?

– Как я могу тебе что-либо запретить?

– Так мы же вроде как это... обручены.

– Если это можно назвать обручением.

– Обручены, обручены, – говорю я, плюхаюсь к нему на колени и прижимаюсь. – По твоей милости – ну, и моей, конечно, что греха таить, – у нас теперь две дороги – либо туда, либо... а где у вас тут свадьбы справляют? В храмах? У тебя тут даже часовенки никакой нет, как я погляжу.

– Я поступил опрометчиво, – говорит он, отстраняясь от меня, но от меня так просто не отцепишься – в ответ я его целую... нет, скорее кусаю в шею.

– Что, дядя с дедом заели?

– Ты оскорбила Волка, – отвечает он, напрягаясь.

– А ты своего деда.

– Не надо было так делать, – говорит он, сглотнув. Вот и возбудился! Скоро весь негатив улетучится как не бывало. – Не надо было распускать руки, Лео.

– Ой, да мне плевать! – восклицаю я. – Вот прав был Джанни: не говори то, не говори это... Больше не стану его перебивать. Пускай наваливает свои латинизмы, пока у нас всех башка не треснет. Да и вообще, зачем ты мне это говоришь? Видала я вас всех! По барабану мне ваши унылые семейные склоки! Я и так знаю, что меня когда-нибудь убьют. Может, мне осталось-то всего ничего. Слишком многим я поперек горла и среди них твой Волк, вернее толстопуз, а не волк... короче, знаешь он где? В зад у дохлого беса, вот где! Да по сравнению с тем же Мариушем Забавой это так – тьфу! Катитесь в ад, ребята! А я завтра начну готовиться к битве. В очередной раз, понял ты меня, нюня? Вот что у меня за мужики такие? Нет чтобы взять меня силой, поцеловать, завалить на кровать, овладеть, и желательно бы грубо овладеть, прошептать мне – да я за тебя, Настюха, всех порву, весь мир нагну...

– Настюха?

– Пфф... – вздыхаю я, упав на него так, словно он подушка. Эх, и правда накидалась лишка... – Да, я Настя, или Анастасия, если полно. Признаюсь, как суженному. Тебя только это заинтересовало? Кто тут умолял меня о прикосновениях?

И тут суженный не выдерживает, хватает меня и кидает на постель.

– А и правда! – говорит он, спешно снимая с себя одежду. – Что я в самом-то деле? В моей постели лежит самая красивая женщина на свете, а я соплю жую! Я весь твой, любовь моя!

– Ой-ой-ой, вы посмотрите какой жеребец! – ухмыляюсь я.

– А чего ты лежишь? – стаскивая с себя сапог, спрашивает он. – Раздевайся!

– Может, я хочу чтобы ты меня раздел.

– Ага, понятно. С прелюдией, значит? Прекрасно, это я люблю! Сейчас, погоди, секунду, любимая!

– Не торопись, не торопись.

– Опять издеваешься? Ну сейчас я тебе покажу!

– Жду.

И когда он уже стянул с себя всё, кроме штанов, когда уже до самого главного остается всего ничего, я вдруг чувствую... чье-то присутствие. Вскликаю, обнимаю Хораца, целую, так и застывшего с завязками в руках, и шепчу ему, едва оторвавшись от его губ:

– За нами кто-то подглядывает. Не подавай виду, надо бы сцапать соглядатая.

Ну и выраженьице изобразилось у Хораца! Глаза чуть не лоб не лезут.

– Ммм?

– Тсс, молчи! – цыкаю на него. – Кружимся с поцелуйчиками, пока я не пойму, в какой стороне гадина.

Крутимся какое-то время, старательно изображая страсть. Точнее, я таскаю прилепившегося к моим губам любовничка по спальне, пытаюсь локализовать шпиона, пока не замечая в стене сбоку от кровати небольшую дырочку.

– Есть! – торжествующе кричу я, отталкиваю капитана, который не удерживается и падает, и приникаю к дырочке. Ничего не видно, но в пространстве между стенами слышится короткий тоненький вскрик, затем шум натыкающегося на стены тела, топот. – Что? – недоумеваю я. – Это женщина, ёлы-палы! За нами следила женщина! Бегом за ней, а то упустим!

И выскакиваю из спальни.

– Постой, я за тобой! – кричит Хорац. – Рубашку только надену!

– Если ты будешь одеваться так же долго, как и раздеваться, мы упустим шпиона!

– Да сейчас я, сейчас! – бурчит мой воздыхатель, трясущими руками застегивая пуговицы на рубашке. – А, да к дьяволу оно всё! Я бегу, любимая!

Ну, и давай носиться по едва освещенным коридорам. Вижу впереди фигурку в темном платье. За мной шлепает босыми ногами Хорац. Беглянка постоянно сворачивает в неожиданно появляющиеся коридоры, поднимается по витым узким лестницам, спускается, петляет, исчезает на время, так что даже с моими способностями поймать ее практически нереально. Иногда слышу, как она издевательски хихикает, едва слышно приговаривая: «не поймаете, не поймаете, придурки!»

Спустя пять минут мы окончательно теряем шпионку из виду.

– Куда она побежала? – спрашивает капитан.

– Да разве поймешь! – отвечаю я. – Тут столько развилок! И еще стены полые. Какого хрена у вас стены полые? Чтобы шпионов прятать?

– Даже не знаю, что ответить на это, – качает головой Хорац. – Нет, но какова шельма? Подглядывать за мной? Это кто такое мог устроить, интересно? Только Диана и приходит на ум. Кроме нее некому.

– Диана?

– Она эта... – машет рукой капитан. – Ну, какое ты словечко мудреное использовать любишь? Спец... спец...

– Специалист.

– Точно – специалист. Она специалист по тайным делам. По всяким очень нехорошим тайным делишкам. Включая и убийства.

– Ого!

– Вот и я о том же. Интересно, а зачем она за мной следила? Она же вроде с Бундой рассорилась? Кто ее послал? Всегда знал – нельзя доверять этой чертовке! А ведь Бунда меня предупреждал! Не дядя за этим стоит, интересно?

– Занимательная инфа, возьму на вооружение, – говорю я, – но поспешу разочаровать – это не Диана.

– Не Диана? Ты уверена?

– Уверена. Вот тебе приметы преступницы: тоненький голосок, худенькая, в темном платье, прекрасно ориентируется в замке, знает все потайные входы и выходы, дырочки и секреты. Никого не напоминает?

И скудного света редких факелов хватает, чтобы разглядеть, как Хорац сначала бледнеет, потом краснеет.

– Нет, быть этого не может! Нет, Лео, нет! Да чтобы за родным отцом... Ты что-то перепутала! Боги, хорошо хоть штаны снять не успел...

– Пойдем и спросим ее сами.

– Это плохая идея.

– А что такого?

– Она это... очень ранимая. Боюсь, как бы не выкинула чего.

– Например?

– Ада, она такая...

– Импульсивная?

– Как это?

– Ну, может в порыве повредить себе, так?

Хорац поникает и сокрушенно кивает.

– Ничего, мы аккуратненько. Пошли, не ссы.

Дверь в комнату Ады не заперта. Осторожно приоткрываем, заглядываем. Ада сидит в кресле, коленки уткнула в подбородок, тоскливо смотрит на единственную свечу. Обстановка в ее комнате ничуть не лучше склепа – голые стены, кровать, пара сундуков, шкаф с толстенными фолиантами, стул и кресло.

И окно, которое смотрит в кирпичную стену.

– Это типа тюрьма? – шепотом спрашиваю я. – Она что, наказана?

– Нет. С чего ты взяла?

– По твоему в такой комнате должен жить ребенок?

– Да, а что?

– Ты обалдел? Ни тебе кукол, ни игрушек каких, картин с веселыми пейзажиками! Херовый ты папаша, вот что я тебе скажу!

Ответить он не успевает, так как девочка нас засекает.

– Кто здесь? – испуганно спрашивает она, хватаясь за... кинжал. Да, да, представьте, ко всему прочему у ребенка еще и холодное оружие наличествует.

– Это всего лишь мы, доченька, – отвечает, открывая дверь, Хорац. – Хотел убедиться, что всё в порядке.

– Убедился? Вот и пошел вон!

В этот момент я выглядываю из-за плеча горе-папаша.

– А она что здесь делает? – напрягается девочка. – Зачем она здесь?

– Ты знаешь, зачем, – спокойно говорю я, скрестив руки на груди.

– Пусть она уйдет! – взвизгивает она. – Пусть уйдет! Не хочу ее видеть! Не хочу!

– Ада, доченька, прошу тебя...

– Нет! – кричит Ада. Напряглась, словно дикарка. – Уйди, стерва! Уйди! А то я...

И она приставляет кинжал к запястью. Боже мой! Я в шоке! Первая мысль – уходи, дура, не усугубляй! Но затем я понимаю, что уже вторглась в ее жизнь. Либо я всё исправлю, либо...

А другого варианта нет. Толку от папаша, он только и способен, что корчить горестные физиономии и лепетать:

– Ада, ну хватит, отпусти кинжал, что ты в самом деле!..

Девочка скоро забьется в истерику. Всё, медлить нельзя. Молнией забегаю в комнату, выхватываю из ее руки кинжал, отбрасываю, хватаю ее, с облегчением шлепаюсь в кресло. Ада у меня на коленях, держу ее цепко.

– Всё, девочка, всё, – шепчу, глядя ее по волосам. Она плачет, пытается вырваться. – Ты попалась и я тебя не отпущу. Ты со мной, и тебе ничто не угрожает...

– Лео, может это... – говорит Хорац.

– Оставь нас одних, пожалуйста.

– Нет, Лео, ты послушай...

– Оставь. Всё будет хорошо, вот увидишь.

– Нет, папа, папочка! – захлебываясь слезами, кричит Ада. – Не бросай меня! Не уходи, прогони эту ведьму! Пусть отцепится от меня! Прогони ее, пусть ее плетью забьют, как собаку!

– Просту тебя, Горацио... Так надо.

Хорац выходит, тихо прикрыв за собой дверь. Понимаю, ему крайне тяжело дается это решение. Стоит за дверью, руки его трясутся, сердце бешено колотится.

– И твое сердечко так колотится, – шепчу ей. – Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! Ты посмотри! Мчится, как лошадка!

– Пусти меня, ведьма, пусти меня!

Но я уже не слушаю ее, лишь баюкаю, как младенца. Меня не покидает ощущение дежавю. Когда-то такая сцена уже случилась. В прошлой жизни.

После очередной ссоры с Верой я схватила ее, не зная зачем – не ударила, не оттолкнула, а просто... схватила. Вера испугалась, начала задыхаться. Сама перепугавшись насмерть, я отпустила сестру и она упала, ударившись головой о тумбочку. Рассекла лоб, плюс у нее начались судороги. Мы были одни дома. Я всё стояла, как полнейшая дура, глядя, как у сестренки изо рта выползает пена.

Стояла, стояла...

– Больше я тебя не отпущу, не отпущу, – как в бреду шепчу я. – Прости меня, Вера, прости, это я во всем виновата, я должна была стать тем, кем так и не стала. Прости, Вера, ведь я люблю тебя, знаешь, я всегда любила тебя, просто не понимала, потому что дура была и эгоистка...

Ада понемногу успокаивается, оборачивается ко мне, изредка всхлипывая. На лице растерянность и удивление. Не того ты ждала от злой ведьмы, так, малыш?

– Извини, – смахивая слезы, говорю я. – Просто вспомнилось. Забылась. Ты напомнила мне кое-кого.

– Ту самую Веру? Кто такая Вера? – нерешительно спрашивает она, тоже вытирая слезы.

– Моя сестра.

– Она тебя не любит?

– Не любит, – вздыхаю я.

– А почему?

– Потому что я была плохой сестрой. Просто не понимала, каково это – жить без другой половинки.

– Как это?

– У Веры была сестра-близняшка. У нас была сестра, половинка Веры.

– Как Иван и Патман?

– Да, как Иван и Патман. Ведь они неразлучны, так? Всегда вместе. Знаешь почему? У близнецов особая магическая связь. Убери другую половинку – и быть беде. С Верой так и случилось. Ее половинка умерла, когда ей было месяцев шесть от роду. И с тех пор у нас все пошло наперекосяк, понимаешь? Я была слишком большой, чтобы обращать внимание на мелкую, а она меня ненавидела. Так и говорила: «ненавижу тебя!»

Ада расслабляется в моих объятиях.

– А как ее звали? – уже уверенней спрашивает девочка. – Половинку? Малютку?

– Оля. Оленька.

– А почему она умерла?

– Она заболела. Злой и нехорошей болячкой. Так бывает, Ада.

– Может отпустишь меня? Я не буду кричать.

– Да, конечно, – отвечаю я и судорожно вскакиваю. – Ты садись, я постою.

– Да нет, сиди, я на кровати.

– Ага, хорошо. Спасибо.

– А ты не такая злая, как говорят.

Вот в чем дело. Наговорили гадостей обо мне, настрашали ребенка.

– Знаешь, Ада, что я тебе скажу? – говорю ей, вытерев последнюю слезинку у нее на щечке. – Никогда не верь слухам. Верь своему сердцу. Слушай, а давай спать? Ты в кровати, а я в кресле. Идет? А то я умаялась за весь день, сил нет.

– Ты со мной останешься? – удивляется девочка. – Тебя папа ждет за дверью.

– Ну и пусть ждет.

– В кресле ведь тесно.

– Ничего и не в таких условиях приходилось ночевать. Ты ложись, не обращай на меня внимания. Отдохнем, завтра тяжелый день.

– Почему?

– Будем готовиться к сражению с чудовищем.

– Ты тоже пойдешь?

– Конечно. А ты думала я буду сидеть, как старая брюзга, со спицами в руках, и покрывать на тебя? Нет, у меня одна судьба – дорога.

Ада ложится на бок, личико положила на ладошки, смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

– А ты и правда совсем не страшная. Можно я буду называть тебя Настей?

Улыбаюсь. Вот ты и сознаясь, плутовка!

– Конечно, милая.

– Скажи, Настя, а как это – дубасить дядек? Ты же девчонка, разве так можно?

– Можно. А иногда – нужно. И это очень даже весело и просто. Бац по носу! Дядьки только с виду такие грозные. О, у меня идея! Пойдем завтра со мной? Чего ты тут будешь одна? Зайдем к Васальге в кузницу, а потом будем испытывать моих бойцов. Это называется тренировка. Ну как?

– А папа разрешит?

– Разрешит, куда он денется. Ну всё, туши свечку.

– Только если расскажешь, как ты с чудовищами сражалась.

– А страшно не будет?

– Нет. С тобой – нет.

Ада задувает свечку. Хорац на цыпочках идет обратно.

Глава 7. Никто не останется без дела

Я заметила, что Ада потихоньку вышла из комнаты, но виду не подавала, продолжала как ни в чем не бывало мирно посапывать. Меня не обманешь – хоть мы и сдружились немножко, от желания нашкодить девчонка не избавилась.

Что придумает, интересно? Подождем.

Спустя пару минут возвращается. Двумя пальчиками держит за хвост дохлую крысу. Нормальный такой прикол. Не слишком оригинальный, но коварный. Не спеша подходит, смотрит на меня, видимо, желая убедиться, что я действительно сплю, и только она собирается закинуть подарок мне на грудь, как я открываю глаза и спокойно говорю:

– Мертвые животные, особенно крысы, источают вредные миазмы, от которых потом расстраивается желудок. А те, кто притрагивается к ним, будут сидеть на горшке целый день.

Ада вскрикивает, роняет крысу и испуганно вытирает руку о платье.

– Нет, ты в самом деле ведьма! – говорит она сердито.

– А ты как думала? – ухмыляюсь я. Ада пятится. – Ладно, расслабься, я пошутила. Просто чутко сплю, привычка такая. Выработалась за время странствий. Но всё равно, не советую таскаться с дохлятиной. Еще заразу какую подцепишь.

Отчитывать бесполезно – ребенок долгое время был предоставлен самому себе, и шалости глубоко укоренились в ней, став неотъемлемой частью поведения.

– Ты расскажешь папе? – насупившись, спрашивает она.

– О чем?

– О крысе.

– Думаю, мертвая крыса не стоит внимания твоего папы. Пошли лучше позавтракаем. Где ты кушаешь?

– Я не ем.

– Как это не ешь?

– Ну, если охота, захожу на кухню. Но у них вечно только мясо, кукуруза, капуста и рыба. Ненавижу рыбу. Ненавижу кислую капусту. Ненавижу кукурузу.

– А что ты любишь? – спрашиваю, думая, что с моим потенциальным муженьком не помешало бы серьезно поговорить.

– Что-нибудь сладкое. Молоко люблю. И хлеб, свежий хлеб. С сыром.

– Пошли к Дубраву, у него найдем что-нибудь.

– А крысу?

– Крысу выкинем.

Беру ее за руку и мы вместе выходим из комнаты.

– А вот бабка Козья в таких случаях сердилась и ругалась, – говорит Ада. – Очень нехорошими словами.

– Что-что, а ругаться нехорошими словами Козья умеет, как никто – в этом я тоже убедилась. – Чему и ребенка научила, думаю я, вспомнив, какими словами девочка встретила меня на злосчастной пирушке. – И часто ты такие фокусы со старушкой проделываешь?

Ада озорно улыбается.

– Постоянно.

У Дубраво отыскался свежее выпеченный хлеб, козий сыр и даже молоко. Подкрепившись, мы отправляемся в кузницу за обещанными подарками. И там застаем Бунду.

– Давай постоим тут, на улице, – говорю Аде. – Подождем, когда этот боров уйдет.

Бунда разглядывает новый меч. Вертит его, пробует заточку пальцем и с удовлетворением прицокивает.

– Прекрасная работа, Васальга, как всегда, – говорит он. – Нет, ну ты молодчина, девочка моя, ничего не скажешь! И бывает же такое! Поверить не могу, что ты куешь, да так, что слов нет!

Васальга улыбается, вытирая промасленные руки. Сунув новый меч в ножны, Бунда подходит к ней, обнимает, целует в щеку.

– Береги себя, Васальга, – говорит он, похлопав ее по животу. – Сильно не напрягайся, ты же понимаешь? Я пошел. Чош! Бывай, брат! Не обижай мою девочку!

Здоровяк пожимает ему руку.

Горелый выходит довольный и наталкивается на нас. Веселье мигом испаряется. Я сторонюсь, давая ему пройти. Бунда скалится, проходя мимо и в какой-то момент из его глотки вырывается натуральный рык. В ответ я издаю что-то вроде мурлыканья.

Так и расходимся. Он – как злобный пес, я – как кошка. Забавно, наверное, выглядит со стороны. При чем Горелый бросает на Аду такой же неприязненный взгляд. Типа, две ведьмы сдружились, чего и следовало ожидать.

– Тебя он тоже не жалуется, малыш? – задаю я скорее риторический вопрос, провожая кривонного коротышку-толстяка взглядом.

– Не-а, – отвечает она. – Особенно после того как я ему тайком насыпала в похлебку кучу тараканов. А он и не заметил, разиня. Начал есть, а они расползлись по его лицу. Он орал, как девочка. Кажется, он боится тараканов.

– Это было жестоко, Ада.

– Бунда – противный. Ну его!

Заходим.

– Хай, ребятки! – машу хозяевам ручкой.

– О Лео! Утро доброе! – здоровается Чош.

– Здравствуй, Лео, – приветствует Васальга.

– Рановато ты сегодня, – говорит Чош.

– Дело не терпит отлагательств. Сегодня смотр войска, завтра – поход. Всё просто. Так, я за подарками.

– И я тоже хочу подарок, – говорит Ада.

– Хм... – задумывается Чош, оглядывая кузню. – Так у нас ничего такого для тебя нет, принцесса.

– Хочу меч!

– У тебя уже есть, – говорю я. – Только маленький.

– Он тупой, ржавый и страшный. Я его нашла. Валялся в грязи. Почистила его песочком, вроде стал блеснуть. Но пятнышки остались. Камушком с улицы точила. Всё равно тупой остался. Иногда от крыс отбивалась. Крыс нынче много.

Еще один повод для серьезной беседы с Хорацем. Видимо, придется ему устроить головной убор.

– Таким крохам ножички ни к чему, – возражаю я. – Это не игрушка.

– К чему, к чему! И я не кроха!

– Ладно, Лео, не ругайся, – вмешивается Васальга и говорит Аде: – у меня для тебя кое-что найдется. Только обещай не играть с ним, хорошо? И для плохих вещей тоже не используй. Только для защиты. Обещаешь?

– Обещаю... э... тетя...

– Никакая я не тетя, скажешь тоже. Просто Васальга. Вот, смотри. Нравится?

И она протягивает Аде кинжал – маленький, со слегка изогнутой рукоятью, в ножнах из тонко выделанной кожи. Изящная и очень красивая вещь.

– Ух ты! – восторженно говорит девочка. – Это мне? Правда?

– Конечно.

– Да, неплохой клинок, – слышим мы и вздрагиваем. – Мне бы такой.

Диана смотрит на нас, усмехаясь. Подкрадываться незаметно она умеет, ничего не скажешь.

– Блин, Диана! – возмущаюсь я. – Разве можно так пугать?

– Вы так засмотрелись на подарочек для «принцессы», – оправдывается она, – а я не хотела вам мешать.

Ада показывает Диане язык и выходит на улицу, любоваться своей новой игрушкой. Мда, какие времена, такие и игрушки у детей.

– Тоже за подарками? – спрашиваю я.

– Не тебе же одной надо.

– Тогда давай посмотрим, что там Чехонте с Васей для нас припасли.

Для меня наши славные кузнецы изготовили парные саи ^[1], точно такие же, как и у Рафаэля из «Черепашек-ниндзя», а также классическую казачью шашку длиной чуть меньше метра. Хотела катану, но решила остановиться на шашке, во многом схожем клинке и более компактном, что важно.

И то и другое оружие, прямо скажем, местным в диковинку, поэтому пришлось постараться, чтобы объяснить ребятам, что именно я желаю получить. Не последнюю роль сыграл в этом Джанкарло, который придал моим каракулям (с рисованием у меня не очень) законченный вид, благодаря чему в данный момент я получаю именно то, что хочу.

В общем, арсенал вполне себе ничего – два новых пистолета, которые подарил Хорац, стилет, парные саи и шашечка. Довольна, как удав. Какое счастье, что у нас есть Васальга! На радостях я расцеловываю ее, да и Чоша тоже. И правда молодцы. Теперь и на зверя идти не страшно!

Рассматривая новинки, замечаю откровенно завистливый взгляд Дианы. Глаз положила на мои саи.

– В первый раз вижу такие даги ^[2], да еще и две штуки, – говорит она.

– Это не совсем даги, – объясняю. – Это саи.

– Чем-то похожи на вилки.

– Ты даже не представляешь, какие это крутые штуки. Но ими надо уметь пользоваться.

– А ты умеешь?

– Как придется случай, посмотрим. Ну, а у тебя что?

Куча маленьких кинжальчиков. Целая батарея. Метательное оружие, догадываюсь я. Диана быстро рассовывает их по петелькам на своей кожаной курточке.

– Тебе не кажется, что нашего «плачущего» дружочка такими ножичками можно только пощекотать?

– Для дружочка у меня есть что попроще, – говорит она, принимая от Васальги меч.

– Палаш?

– На всякий случай. Не люблю я эти здоровенные железки. Это удел мужичья, как по мне. Но и без клинка никак. Предпочитаю действовать более тонко.

С этими словами она достает из сумки увесистую кожаную скатку, своего рода патронташ, битком набитый черными дротиками.

– Отравленные, надеюсь? – интересуюсь я.

– Обижаешь.

– Думаешь, на Блуда подействуют?

– Одного хватает, чтобы коня свалить. Уверена, Блуду должно хватить двух-трех.

Диана действительно специалист, как я погляжу. По мокрухе, в основном.

– А тебе лучше дорогу не переходить, верно? – усмехаюсь я.

– Как и тебе, полагаю.

Дождавшись, когда посетители выходят, отвожу Чоша с Васальгой в сторону.

– Послушайте, ребята, – начинаю я. – Пока мы будем носиться по горам за демоном, у меня для вас будет задание.

– Всё, что в наших силах, Лео, только скажи, – с улыбкой говорит Чош.

– Ты бы погодил радоваться, Чех, – осаживаю его, поглядывая на прыгающую на улице Аду. Мелкая, видно, протыкает воображаемое чудище новым волшебным клинком.

– А что такое?

– Собственно, дело в следующем: я прошу вас взять опеку над Адой.

– Это еще зачем? – хмурится Чош. – У нее же вроде отец есть, вот пусть и опекает. Плюс Козья... М-да, я понял. Козья – та еще нянька, верно?

– Вижу ты обрадовался, – похлопав по плечу приунывшего здоровяка, говорю я. – Козья больше к ней не подойдет, и обещаю – отцу тоже достанется.

– Обрадуешься тут – повесила нам на шею мелкую пакостницу. Делать нам больше нечего, с соплей возиться!

– Не бухти. И потом – в скором времени вам так и так придется возиться. С соплей. Со своей собственной. Верно я говорю, Вася?

Васальга смеется.

– Я не против, пусть приходит, – говорит она. – Мне даже веселей будет.

– Но... – пытается возразить Чош, но я не даю ему сказать, приведя последний, самый весомый довод:

– Ты же будущий папа, Чош, не забывай. Вот и потренируешься. Узнаешь, каково это, опыта наберешься.

– Да была бы девчонка послушная, еще ничего, так эта...

– Тяжело в учении, легко в бою, как сказал один великий полководец с моей родины.

– Ну, против этого не попрешь, – разводит руками Чош. – Поработаем.

– Вот и хорошо. Приучите ее к труду. Кормите нормально и регулярно. Должен быть распорядок дня, чтобы не болталась без дела. А ты, Чош, дай ей пару уроков в плане владения мечом. А то оружие она любит, а вот пользоваться им не умеет. Это ей должно понравиться. Конечно, в первое время будет непросто. Будут капризы, угрозы, слезы. Проказы. Но вы стойте на своем. Насчет капитана не волнуйтесь – он не станет возражать. И не переживайте, я не только вас озадачиваю. Антону с Джанкарло тоже задание будет.

Их я попрошу стать учителями Ады. Антон будет преподавать ей правила этикета, историю и всё такое, Джанкарло научит арифметике и грамоте. А то в свои восемь лет Ада почти неграмотна! Фантастически наплевательское отношение к собственной дочери.

– Ада! – подзываю девочку. – Побудешь у Васальги с Чошем, хорошо? А я пока твоего папу разыщу. На пару слов.

Хорац отыскивается всё там же – на капитанском мостике. Похоже, это его излюбленная точка. Уже в приподнятом настроении, даже вино из бутылки попивает.

– О, возлюбленная моя Лео! – приветствует он меня. – Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! А где Ада?

– Она в кузнице с ребятами.

– О, прекрасно, прекрасно! Признаюсь честно, вчера ты ступала по очень тонкому льду. Но ведь и тут ты показала свои таланты! Невероятно! Как тебе удалось с ней сдружиться? Кстати, о дружбе...

Хорац слегка омрачается.

– Что такое? – спрашиваю я. – Волк?

– Да, Волк. Он не примет твоих извинений. Ты заимела опасного врага, любимая.

– Ну и пусть.

– Слишком легкомысленно ты к этому относишься, Лео.

Блин, вот только разбор с этим толстопузом не хватает. Как же надоело, кто бы знал!

– Сделанного не воротишь, – говорю. – И потом, почему именно он делает обиженный вид? Он первый начал меня оскорблять! Вместе со своим Бундой. А я, между прочим, тоже знатного рода! Мой папа – военачальник. Герой войны. Чем я заслужила такое отношение к себе? Разве я давала к этому повод? Так что передай ему, что это я не принимаю извинений! Понятно?

Лучшая оборона – атака. Вот и Хорац задумывается.

– Так, я вообще-то не затем тебя отыскала.

– А зачем?

– У меня разговор посерьезней твоих проблем с дядей, – говорю я, после чего начинаю ему трахать мозги. Натурально.

Даю наиполнейший расклад. По итогу выходит что Ада чуть ли не находится на краю пропасти, а родитель по меньшей мере достоин самого строгого суда. Ну, приукрасила чуток, для пушшего эффекта. Жених в шоке. Игривое настроение пропадает. От вина морщится, закидывает в сердцах бутылку подальше.

– Ты права, Лео, – облокотившись о перила и вцепившись в волосы, произносит он. – Я плохой отец.

– Нет, ты не плохой отец, – возражаю. – Ты, скорее, никакой отец. Я бы сказала, что твоя дочь – сирота. Ни папы, ни мамы, никого. Лишь ржавые ножи и крысы. И бухая старуха, только и умеющая, что сквернословить и орать, как ненормальная. Но не поздно всё исправить. Вот что я предлагаю...

Выкладываю ему мой план.

– ...Только тебе нужно с ней очень и очень серьезно поговорить, – увлеченно продолжаю я. – Будь тверд, не сюсюкай, понял? Обязательно, слышишь меня, Гарри? обязательно надо регулярно заниматься! С Чошем, Антоном и Джанкарло. Только прошу – чтобы Козья даже близко не подходила к девочке! И кто это придумал – приставить в качестве няньки эту ведьму? Да и той в последнее время не было! Пусть Ада пока поживет у Васальги, а чтобы она от всех этих нововведений не сошла с ума, скажи, что переселишь ее в новую комнату, с видом на горы, где будут светлые стены с картинами, кровать с балдахином, ну и всё такое. Наверняка такая есть – у тебя замок вон какой здоровенный. Найди и распорядись сделать там соответствующий ремонт. И выведи крыс с тараканами, заставь людей наводить порядок в замке! Скажи, чтобы висельников с улиц убрали, а то скоро в лазарете будет не продохнуть! Что за безобразие – дерьмом заросли по уши! И желательно бы поселить неподалеку от новой комнаты Ады Антона, например. Джанкарло всё равно из библиотеки не вытащишь. Ада всегда должна быть под присмотром у адекватного человека, а не у этой бабы яги. Да, и еще пообещай ей, что моя комната будет по соседству. И ты сам должен чаще с ней быть. Говорить с ней, играть, учить ее.

– Может ты с ней поговоришь? – нерешительно спрашивает Хорац. – У тебя хорошо получается...

– Нет, это ты должен сделать, ты! Ты – отец, так будь им, наконец! Запомни, Гарри, нет ничего важнее собственной дочери! Вот она – твоя настоящая любовь, твой смысл жизни! Проснись, дуралей и иди к ней, пока не поздно! И будь мужчиной, не мямли! Ласково, но непреклонно: воля отца – закон! Вперед!

Вот так я поступаю – пришла и навела шороху. Всем работу нашла. И еще надо что-то делать с дисциплиной, но это мы оставим на потом. Когда вернемся.

Если вернемся.

Наконец-то после всех этих в какой-то степени матримониальных хлопот я прихожу на место встречи, на ту же маленькую площадь, где давеча висели трупы. К счастью, у Тельги хватило ума приказать их убрать.

Тут и Леонардо со своими стрелками.

- Ты помирился с Джанкарло? – спрашиваю его.
- А как же! С этого дня мы...
- А не врешь?
- Лео, ну зачем же так грубо? Леонардо никогда не врет! Леонардо всегда говорит правду!
- Я спрошу у него, так и знай!
- Валяй, спрашивай. Но сначала позволь мне представить своих друзей! Вот это – Гвидо, по прозвищу Лев, из-за светлой шевелюры, как ты понимаешь...
- А где шевелюра? Вижу лысую макушку.
- Гвидо рано облысел, но в юности обладал, очень даже обладал, оттуда и прозвище. Так, Лео, вот этот статный голубоглазый парень – Лодовико. Он поэт. – Леонардо наклоняется ко мне и шепчет: – Лодовико до смерти влюблен в одну знатную особу из Этной, как утверждает, из самого Адортура, и ей посвящает все свои оды. Коих много. А по ночам Лодовико плачет, признается к ней в любви. Промеж собой мы думаем, что ее не существует, понимаешь, о чем я?
- Бывает. Кажется, это называется шизофренией.
- А вот и Маттео, он из простых, – пропустив мои слова мимо ушей, продолжает Леонардо. – Но храбростью способен затмить любого рыцаря! Ты не гляди, Лео, что он такой сухарь. В бою Маттео так горяч, что даже нам страшно становится! Поэтому мы так его и называем – Маттео-Лев!
- Маттео чопорно кланяется.
- Так ведь есть уже лев, – говорю. – Который Гвидо.
- Нет, Гвидо просто Лев. А вот Маттео у нас – Маттео-Лев, понятно?
- Непонятно, но ты продолжай, продолжай.
- Отлично! А это – Якопо делла Топоторилло, он бывший портной.
- И что мне с этой информацией? Будет нам портки штопать?
- Такой красоте не грех и портки заштопать, Лео! Но он не этим славен! Среди нас Якопо самый меткий!
- Геннад, Тельга! Принимаете вызов?
- Я принимаю, – говорит Диана. – Если я выиграю, твой Якопо, Леонардо, заштопает мои портки. Если они порвутся, конечно.
- Звучит интригующе! – говорит командир вольных стрелков. – Что скажешь, Якопо?
- Скажу, что ты редкостный болтун, Леонардо! – недовольно отвечает Якопо. – Если у этой славной госпожи порвутся портки, штопать их будешь ты!
- Кажется, это никогда не прекратится.
- Я поняла, – говорю я. – Можешь не продолжать, Леонардо. Все равно сразу столько имен не запомню. А львов и подавно. Лучше будет, когда вы покажете на что способны, парни. Тогда есть шанс, что я запомню ваши имена. Ну так что, начнем тренировку?

[1] Сай – японский клинок, типа стилета или даги, похожий на трезубец с удлиненным средним зубцом.

[2] Дага – кинжал для левой руки при фехтовании на рапирах или шпагах. Предназначен для парирования и добивания.

Глава 8. Старые добрые методы

С небольшого плато, по сути пятачка, открывается шикарный вид на окрестности. Замок на скале выглядит потрясно. Не побывай я внутри, так и подумала бы – жилище принца. Или волшебника. Исчерченный скалами горизонт обманчиво спокоен, по небу текут кучевые облака, дует освежающий ветерок.

Ляпота, как сказала бы Козья!

Самое время для пикника, и, как оказалось, этнойцы большие любители посидеть, пожевать шашлычка и потравить байки. Их громогласный хохот, кажется, скоро услышит каждая тварь вокруг. Только Лодовико держится особняком, глядит на небо со скорбной миной, не обращая внимания на подтрунивания товарищей.

Мы и остановились лишь для того, чтобы с удобной точки поглядеть на конкурентов, а эти олухи тут же давай пировать. И ведь не забыли с собой прихватить жратвы, да побольше! Ничего, я этому положу конец.

А конкурентов много. Глядя на вереницу разношерстных и разномастных бойцов, проходящих по мосту, удивляюсь, как такая пестрая орда смогла уместиться в столь ограниченном пространстве. И главное – зачем эту прожорливую ораву надо было тащить внутрь? Бойцы могли бы расположиться лагерем на местности вокруг замка.

Вопросов много, и ни на один из них нет вразумительного ответа.

В замке и на заставе остается только гвардия капитана. Человек двести, по словам Хораца. Которыми командует Волк. С одной стороны так и надо – цитадель должна находиться под защитой. С другой – плохо. Как бы униженный и оскорбленный не выкинул какой фортель.

Опасениями делюсь с Хорцем, который стоит рядом, в морионе, кирасе, в сапогах с отворотами и шпорами, брякающими при каждом движении, что меня только раздражает, а также рапирой с чашеобразной гардой на боку. Рапира, наверное, стоит целое состояние.

К этому стоит добавить кинжалы в ножнах, усыпанных драгоценными камнями и пистолеты им под стать – экипировался наш капитан по самую макушку. Слишком щеголевато выглядит, как по мне. Или я придираюсь? Я и сама увешана оружием не меньше, только наряд у меня не такой броский. Никаких цацок, темная куртка, темные штаны, простые сапоги. А моему женишку только на парад и идти, одна кираса чего стоит – с вытравленным на ней гербом рода ван Сташи. Даже вольные стрелки выглядят поскромнее, но только из-за того, что их наряды поистрепались, а новые достать, видимо, негде.

Где тут мародерствовать?

Помимо вышеозначенных, присутствуют все, даже Огнен. Близнецы звали его к себе, но он предпочел нас. Без условий. «Почему?» – поинтересовались мы. «Мне их рожи не нравятся, – ответил он. – Только пьянь и дурачье, у которых молоко на губах не обсохло. А так хоть подохну рядом с красивыми бабами, и то хорошо». «Откуда такой пессимизм, Огнен? – подбодрила я его. – Не помрем, не волнуйся! И ты вернешься героем. С красивыми бабами побоку». «Хе-хе... ну поглядим, как оно выйдет, поглядим».

Ну так что? Можно ли надеяться на благоразумие дядюшки?

Хорац уверяет меня, что можно.

– Тыл под надежной защитой, Лео! – без тени сомнения заявляет Хорац.

– Итак, возлюбленный мой женишок, – говорю я, глядя на столпотворение внизу, – сколько мы имеем группировок?

– Михаэль со своей сотней, – отвечает он, явно довольный тем, как я его только что назвала. Думает, я серьезно. Не, надо бы оставить эти игры, а то придется потом объясняться. Плохо тут понимают иронию. – Близнецы... сколько у них, затрудняюсь сказать, ну, и Бунда

– у него пара сотен наберется. Это основные три, плюс наша маленькая компания. Есть и еще отдельные смельчаки, но их в расчет можно не брать.

– Что-то нас маловато, тебе не кажется?

– Если бы речь шла о полноценных боевых действиях, я бы согласился. Но тут немного другое. Будет видно, любимая.

– Не считая нас, у кого, по-твоему, есть шансы победить?

– Я бы поставил на Михаэля. Вот у него как раз дисциплина присутствует. Его бойцы собраны, вином не злоупотребляют. Но... Михаэль загадочный человек. Скрытный. Что у него на уме? И нужно ли ему это... кхм... «соревнование»? Я не знаю.

– Откуда он? С каких мест?

– С севера. Там множество шахт и городищ шнеев. Михаэль любит рассказывать, якобы их – коренных жителей – подземные дьяволы выживали с насиженных мест, но...

– Что но?

– Я был там, в тех краях и могу сказать, что местные живут весьма неплохо. Во всяком случае, жили, как сейчас – неизвестно. А что до шнеев, то их мало кто видел. Очень скрытные твари.

– Так, понятно. С близнецами тоже, Огнен уже дал им характеристику. А что Бунда? Он кто такой? И кем тебе приводится всё их семейство – Козья, Диана, Васальга?

– Дальние родственники. Про которых говорят – в семье не без урода. Но к Васальге это не относится, ты не подумай. Козья когда-то в стародавние времена была фавориткой моего отца, Бунда и Диана – бывшие каторжане. Бунда в молодости был простым головорезом, Диана... этой...

– Женщиной с пониженной социальной ответственностью?

– Так у тебя на родине шлюхи называются? – спрашивает он.

– На протокольном языке. По-простому как и везде.

– Надо бы запомнить. Так вот, Диана была подругой и даже сподвижницей Беты. Во время их разбойных дел. Вместе сбежали с каменоломен, вместе шатались по лесам.

– Да что ты говоришь! Правда что ли?

– По секрету, – поглядев на Диану, с насмешливым видом болтающую со стрелками Леонардо, говорит Хорац. – Диана верховодила. Была, скажем так, у них генералом. Бета ведь ничего не смыслила в этих делах. Бета выступала эдаким символом.

– Ух ты, занимательно. Но ты не рассказал о Бунде. Его стоит опасаться?

– Бунда и в подметки сестре не годится. Задира и пустобрех. Его сброд, конечно, чуть получше юнцов Ивана с Патманом, но с боевыми качествами у них дела идут ни шатко ни валко. Им бы только полжотовать. Вот зверствами они обожают заниматься.

– Что ж, теперь всё ясно.

– С чего начнем? – спрашивает Хорац.

– Ты про что?

– Про наш поход. Долго мы тут будем находиться?

– Долго. Торопиться не будем. Пусть конкуренты разбредутся, чтобы друг другу на пятки не наступать. А мы будем наблюдать. Зверь точно клонет, но я сильно сомневаюсь, что эти дурни понимают, во что ввязались. И потом, я практически уверена, что зверя им нипочем не поймать.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что Блуду нужна я, – говорю я, вспоминая ту редкую вспышку сознания в темнице, где я сидела с ним и беднягой Петуром. Когда он увидел во мне Бету.

– Не понимаю, с чего ты это взяла?

– Это только догадки, Гарри. Как-нибудь расскажу, а теперь давай напомним солдатам, что они на боевом посту, а не в кабаке.

В чем я уверена на сто процентов – так это в том, что будет много трупов. Может, и зря я придумала это «соревнование», но что сделано, то сделано. Снявши голову по волосам не плачут.

И потом, война с вампирами – первый по-настоящему серьезный конфликт за многие годы в этом краю. А только так и куются победы – сквозь боль и кровь. Пора бы им повзреть, иначе ни о каком походе на Горио не может быть и речи.

Если честно, пока я ютилась в кресле у Ады, многое обдумала и пришла к выводу, что предприятие точно должно принести плоды. Экспромт, явившийся следствием аффекта, обрел контуры годного мероприятия.

Охота позволит выявить и ликвидировать вражеские дрг ^[1], наверняка наводнившие вотчину графа Торга. Из чего следует, что в процессе отсеются непригодные, оставив место сильнейшим. Боевой опыт – бесценная вещь.

Также выяснится, началось ли развертывание боевых подразделений на новых территориях, наращивается ли их группировка и так далее.

Понимаю, что для этих петушков, так знатно горланивших на последнем «совещании», забава обернется неприятным сюрпризом, но что поделаешь – ледяной душ им не помешает, а присутствие врага, которого они узреют собственными глазами, а не услышат из баек и сплетен, поспособствует сплочению.

Ну и Блуд Восхваленный. Что им двигает – жажда мести, или еще что – неважно. Важно, что дурень стал своеобразным кулаком, призванным посеять ужас и панику непосредственно в зоне будущих боев. Что должно облегчить взятие не самой простой местности под контроль.

Главное не затягивать с охотой. Но что-то мне подсказывает, что зверь должен почуять меня довольно быстро.

Подхожу к отдыхающим.

– Слушаем меня! – начинаю командовать, придав себе максимально грозный вид. – Костер затушить, пожитки собрать и рассредоточиться. Наблюдаем, слушаем, оружие – наизготовку. Лафа кончилась. Приказ ясен?

Нет, не ясен.

– Мы что, выступаем, Лео? – оторвавшись от куска мяса, спрашивает Леонардо. По подбородку стекает жир. – Сейчас, погоди чуток, доедим...

– Наведи порядок во вверенных тебе частях, – прошу я капитана.

– Чего?

– Ты – капитан, или нет?

– Я.

– Командуй.

– Так ведь ребята кушают. А что еще делать?

Диана с интересом наблюдает за нами, остальные, знакомые со мной не понаслышке, расходятся. Чтобы не мешаться под ногами.

А этнойцы знай себе веселятся.

– Ну хорошо, капитан, – говорю, уперев руки в бока. – С этой секунды ты больше не капитан. Я беру командование на себя. Леонардо?

– Да, Лео? А ты чего такая грозная, а? Ребята, посмотрите на нее – сейчас начнет кусаться! А говорят, что Лео уж очень больно кусается...

Меня этот пустомеля выбешивает окончательно. Приступаю к укусам... точнее к избиванию и первым достается именно этому чертову Леонардо. Выбив ногой флягу с вином, хватаю его и швыряю через себя. Охнулся о землю весьма эффектно! Далее действую по отработанной тактике – катком по бездельникам! Кому достается слэм по яйцам, кому кулаком по лбу, несколько хуков выбивают дыхалку наверное у половины вольных стрелков, в том числе

и у славного Маттео-Льва. Ибо перед пикником они разоружились и сняли обмундирование. Непорядок.

Спустя пять минут южане корчатся от боли на земле. Кроме Лодовико – поэт и мечтатель, к моему удивлению, не стушевался, выхватил рапиру и успел приставить ее к моему горлу до того, как я смогла наступать по его тыковке.

– Вот, поглядите-ка, – говорю я, отступая от него. – Из всех вас только Лодовико оказался готов к бою. Леонардо!

– Да? – хрипит он, хватаясь за спину.

– Ты разжалован.

– Чего?

– Командовать вольными стрелками теперь будет Лодовико.

– Как это? Нет, так не бывает, Лео! Я у них главный, это повелось с давних пор! И потом, Лодовико? Серьезно?

– Добавки хочешь? Сейчас дам.

Леонардо, с трудом поднявшись, говорит:

– Нет, спасибо. Урок усвоен, Лео. Лодовико – командир. Без вопросов, не так ли, друзья? Мы ведь понимаем и не имеем обид?

Ребята отзываются неохотно и в голосе их слышится недовольство действиями «яростной фурии Лео».

– Когда закончим, можешь вернуться на руководящий пост, – говорю я не терпящим возражений тоном, – а пока будет так и никак иначе. Лодовико?

– Слушаю вас, сеньорита Лео?

– Построиться!

Шатаясь и спотыкаясь, вольные стрелки со стонами кое-как выстраиваются.

– Ну что, ребятки, вам повторить приказ?

– Думаю, Лео, – отвечает Леонардо, – в нападении нет нужды, так ли, друзья?

Этот товарищ, похоже, просто не умеет говорить кратко.

– Я спрашиваю, вы отвечаете следующим образом: так точно или никак нет, – разъясняю я. – Вопросы задаем только с моего разрешения – так и говорим: капитан, разрешите обратиться. Понятно?

– Э... так точно, Лео, – отвечает Леонардо.

– Капитан, никак имен.

– Так точно, капитан.

– Вот и хорошо. Итак, слушайте боевую задачу. Пока остаемся здесь и занимаемся наблюдениями. Никаких посиделок и шуточек. Слушаем, наблюдаем. Лодовико!

– Да, капитан?

– Выбери несколько человек потолковее. Пусть они займут вон ту вершину. Задачи те же. И будьте всегда на виду, в случае опасности, давайте сигнал – какой, решите сами, – и возвращайтесь сюда. Всё понятно?

– Так точно!

Хорац подходит ко мне сзади и спрашивает:

– Лео, может это...

– Разрешите обратиться, капитан! Я же ясно сказала!

– И я тоже должен поддерживать эту формальность?

– Это не формальность! И да, ты тоже должен. Почему я должна для тебя делать исключение? Ты – подчиненный, не забывай! Чего хотел, говори?

– Да нет, ничего такого.

Ну не знаю, как еще на них воздействовать. Никакие наши подвиги не способны побороть глубоко укоренившуюся мысль – баба, она и есть баба. Значит, надо силой вколачивать умение

подчиняться. Может, и не надо внедрять уставшину, здесь это выглядит немного нелепо, но не помешает. Старые добрые методы обязательно должны дать эффект.

Раздав команды, я вместе с Дианой, Борисом-Пегим и Тельгой устраиваюсь на самой высокой точке. На той скале, за которой только перешеек, ведущий к заставе. Делать откровенно нечего, вот и сидим.

Война – это скука, как говорил мне папа. Это только в кино сражения идут за сражениями.

Прошло уже несколько часов и застава опустела. Остался только гарнизон. Тишина.

– Мне тоже прикажешь обращаться так, как ты просила? – спрашивает Тельга.

– По уставу? Только если эти придурки рядом. Включая моего ненаглядного. А как иначе, скажи, Теля?

– Нет, я полностью тебя поддерживаю.

А Диана знай себе лыбится.

– Ну, а ты что скажешь? – спрашиваю ее.

– По поводу?

– Как тебе мои методы воспитания личного состава?

– Шикарно, капитан. Кстати, может ты так и останешься капитаном? А то твой щеголь как-то не тянет на такой ответственный пост.

– Может и стану. Время покажет.

– Выдвинемся дальше? – спрашивает Тельга.

– Нет, пока останемся, – качаю я головой. – Если кто на кого наткнется, мы услышим – эхо тут разносится очень далеко. А пока Борис расскажет нам о себе. Развлечет нас историей о своей нелегкой жизни.

– Предпочитаю остаться прежним Пегим, – недовольно отвечает он. – А если она не прекратит обзывать меня «мозгляком», вообще уйду.

Мы смотрим на Диану. Она пожимает плечами.

– Еще раз повторяю тебе, Диана, – говорю. – Борис мой старый друг и верный боевой товарищ. Я не позволю так с ним обращаться, поняла? Или хочешь померяться со мной силой?

Диана усмехается.

– Ну хорошо, обзывать не буду. Буду называть Борисом.

– Тьфу! – сердится Пегий. – Уж лучше «мозгляком».

– Так ты определись, что тебе лучше! – говорю я.

– Пегий – лучше.

– А вот нам не нравится! Пегий, Пегий... высер, а не кличка! Уже и люди косо смотрят. И вообще, ты же знаешь нас. Женское любопытство – это такая штука, что не приведи господь. Ты разбередил нам душу, Борис, и пока не расскажешь, кто ты и откуда, не успокоимся. Но в то же время, мы клянемся, что сохраним тайну. Верно я говорю, Диана?

– Что-что, а тайны я сохранять умею, – говорит она. – И чужие в том числе. Так что давай... э... Борис, начинай. А то и правда скучно.

– Да чтоб вас! Вот бабы, в самом-то деле! И не отвертись от вас никак! Хорошо, мое настоящее имя – Борис Тамарик, я – регул по национальности. В прошлой жизни был вором и убийцей, состоял на службе у одного... господина, потом оказался на каторге, бежал оттуда в Пагорг, где и прибился к Буну. Вот и всё. Ничего необычного.

– Что за господин?

– Так ли это важно?

– Нет, раз уж начал, давай до конца, – не унимаюсь я.

– Господина звали Дамиан Дуб.

– Что-то я слышала о нем, – задумчиво говорит Диана. – Кажется, что он бунтовщик, нет?

– Дамиан мечтал о независимости Регула. Лет десять назад он поднял восстание, закончившееся ничем. Пшиком. Что, впрочем, и следовало ожидать. Дамиан поднял народ, захватил пару городов. Бранды даже не стали вводить войска, просто отсыпали Дамиану и всем его сторонникам золота и почестей. Купив себе и своему окружению таким образом привилегии, Дамиан поклялся в верности Форнолду и распустил ополчение. Спустя пару дней его отравили. Так ему и надо, собаке.

– Надо же! – произносит Диана. – Не ты к этому приложил руку?

– Нет! Я был простым парнем, юнцом. Но с талантами. Не теми, которые между ног! Я слыл у себя на родине отменным вором. В узком кругу, разумеется. Дамиан лично нанял меня. Для особых дел. Когда стало известно о предательстве Дамиана, все мы разбрелись кто куда. Попрытались в норы. Меня вскоре взяли за мелкую провинность и этапировали в горы, припомнив другие мои подвиги, еще те, до бунта. Так-то поселение, где мы обитали, считается каторгой, но на деле – вольница. Делай что хочешь, только вниз нос не суй. Прошел год, юный королек Ключверт подрос, вспомнил о бунте и начал наводить свои порядки. Чтобы, как он сказал, уничтожить «сепаратную заразу» на корню. Методом выжигания – еще одни его слова. Ввел войска. Всех причастных к бунту начали отлавливать, пытать, заставлять доносить на других. За полгода Ключверт истребил столько народу, скажу я вам! Из миленького мальчика этот злыдень превратился в лютого тирана. В одночасье Регул утратил всё – статус, самоуправление, собственный совет. Стал на особом положении. По сути король поставил мятежный край на колени. Придавил железной пятой. Такого не было со временем Тышты Хромого, последнего короля Регула.

Пегий вздыхает.

– В один прекрасный день и в наш лагерь приехали имперцы. Начали устраивать допросы со всеми сопутствующими элементами – дыба, растяжки, выворачивание суставов, поджигание пяток, пытка водой. Что, как, когда, где. И самое главное – кто. Настоящий дьявол этот Ключверт! Говорят, он лично принимал участие в допросах. Не у нас, а в Бобродоке. Ну так вот, я не стал ждать особого приглашения и был таков. Утек темной ночью. Потому что у меня точно есть что сказать. Некоторые делишки, которые я проворачивал во славу независимости, наверняка заинтересовали бы короля и его приспешников. Поэтому я бы предпочел старое и неброское прозвище. Прошу вас, называйте меня Пегим, мозгляком, хоть скопцом, только забудьте всё, о чем я вам тут рассказал. Ради вашей же безопасности.

– А мы-то тут причем? – спрашиваю я. – Где империя, а где мы?

– Не будь такой наивной, Лео, – мрачно усмехается Пегий. – В происходящей катастрофе король видит возможности. Он еще даст о себе знать, зуб даю.

Диана некоторое время оценивающе смотрит на Пегого, затем говорит:

– Беру свои слова назад. Ты не мозгляк с писюнцом с горошину. У тебя что-то такое есть, определено что-то есть.

Мы с Тельгой глядим на обоих с нескрываемым удивлением. Что это, искра?

В этот момент по горам прокатывается вой. Или даже хор завываний, смешанный со стонами и криками. Мы вздрагиваем от неожиданности. Бросаемся к краю, смотрим вниз, в долину.

Из темного ущелья выходит, шатаясь, о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.